

ХОЛМСКО-ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКОЙ АРХІЕРЕЙСКОЙ КАДЕДРѢ.

Адресъ Редакціи:

Долгая улица, домъ № 13 кв. 11,
при Холмско-Варшавской Духовной Консисторіи,
въ Варшавѣ.

Годовая цѣна—5 руб.

Выходитъ два раза въ мѣсяць: 1-го и 15-го числа.

ОТДѢЛЪ I.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ

священнослужителямъ Холмско-Варшавской
Епархіи.

Въ 9 день апрѣля сего 1889 г. Высочайше награждены: *орденомъ Св. Владиміра 3 степени*: Яблочинскаго Свято-Онуфріевскаго первокласснаго монастыря архимандритъ Іоанникій; и гор. Калиша Петропавловской соборной церкви протоіерей Вахъ Туръевъ; *золотымъ напернымъ крестомъ съ украшениями изъ Кабинета Его Величества* — Варшавскаго кафедральнаго собора протоіерей Никита Горизонтовъ.

Награды Святѣйшаго Синода священнослужителямъ Холмско-Варшавской Епархіи.

Опредѣленіями Святѣйшаго Синода отъ 14—28 марта 1889 года награждены ниже слѣдующіе священнослужители: *палицею* п. д. ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета протоіерей Филиппъ Дьячанъ; *саномъ игумена*—казначей Варшавскаго архіерейскаго дома іеромонахъ Лаврентій; *напернымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ*: города Лодзи Александро-Невской церкви священникъ Іоаннъ Юхновскій; Сѣдлец-

кой губерніи, Бѣльскаго уѣзда, церкви села Ганны, священникъ Іеронимъ Калишевскій; Люблинской губерніи, церкви села Скербешова, священникъ Александръ Вѣлецкій, и Люблинской губерніи, церкви посада Грабовца, священникъ Маркіанъ Могилицкій; *камиллавою*: Сѣдлецкой губерніи, церкви села Ортели-Княжеской, священникъ Николай Сосновскій; Сѣдлецкой губерніи, церкви села Корницы, священникъ Северіанъ Сѣроичевскій; Сѣдлецкой губерніи, церкви въ селѣ Шкопахъ, священникъ Теодоръ Ситкевичъ, и Сѣдлецкой губерніи, церкви погоста Тересполья, священникъ Николай Лопатинскій; *спуфью*: города Сѣдльца, Свято-Духовской соборной церкви священникъ Θεодосій Левицкій; Сѣдлецкой губерніи, церкви села Гродиска, священникъ Владиміръ Антоновичъ; Сѣдлецкой губерніи, церкви мѣстечка Межирѣчья-Новаго, священникъ Александръ Павловичъ; Сѣдлецкой губерніи, церкви села Угруска, священникъ Василій Якубовскій; Сѣдлецкой губерніи, церкви посада Острова, священникъ Антоній Бедзіо; Сѣдлецкой губерніи, церкви села Безволи, священникъ Антоній Левицкій; Люблинской губерніи, церкви города Дубенки, священникъ Антоній Любарскій; Сувалкской губерніи, церкви села Лабно, священникъ Алексій Прокопчукъ; Сѣдлецкой губерніи, церкви села Рогова, священникъ Назарій Витошинскій, и Люблинской губерніи, церкви села Чартовца, священникъ Олимпій Тарновскій.

УКАЗЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО,

изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода,

Синодальному Члену, Преосвященному Леонтію,
Архіепископу Холмскому и Варшавскому,

отъ 28 февраля 1889 года по вопросу о томъ: можетъ ли быть совершенъ бракъ лица, состоящаго въ запасѣ арміи, на основаніи выдаваемаго военнымъ начальствомъ увольнительнаго свидѣтельства.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: а) предложеніе Г. Товарища Синодальнаго Оберъ-Прокурора отъ 7-го сентября 1888 года, за № 4141, относительно устранинн безпорядка въ выдачѣ нижнимъ чинамъ увольнительныхъ билетовъ и указовъ объ отставкѣ въ отношеніи перемѣнъ семейнаго положенія нижнихъ чиновъ и б) справку изъ производившагося въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣла по сему предмету. Приказали: Въ 1883 году былъ повѣнчанъ состоявшій въ запасѣ арміи рядовой вторымъ бракомъ на основаніи увольнительнаго билета, на каковомъ билетѣ имѣлась помѣтка о смерти первой жены сего рядоваго и на томъ же билетѣ сдѣлана вѣнчавшимъ этого рядоваго священникомъ надпись 4-го ноября 1883 года о повѣнчаніи сказаннаго рядоваго вторымъ бракомъ, а въ сентябрѣ 1885 года былъ принесенъ къ священнику для крещенія ребенокъ того рядоваго, при чемъ предъявленъ указъ объ отставкѣ рядоваго, данный уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ 28 мая 1885 года, за № 8471, въ каковомъ указѣ рядовой значится холостымъ. Велѣдствіе допесенія о семъ священника, Консисторія просила уѣзднаго воинскаго начальника сдѣлать распоряженіе о замѣнѣ указа объ отставкѣ означеннаго рядоваго другимъ документомъ и объ устранинн на будущее время подобныхъ описанному въ рапортѣ священника опущеній при выдачѣ указовъ объ отставкѣ и о послѣдующемъ увѣдомитъ ее. Воинскій начальникъ увѣдомилъ Консисторію, что, какъ оказалось по забранной справкѣ, указъ объ отставкѣ рядовому выданъ 28-го мая 1885 года, а увольнительный билетъ его присланъ въ управленіе при отзывѣ уѣзднаго полицейскаго управленія, отъ 29-го іюля того же года, т. е. спустя два мѣсяца послѣ выдачи указа объ отставкѣ, сей же послѣдній документъ написанъ изъ письменныхъ свѣдѣній, хранящихся въ управленіи, а такъ какъ сказанный рядовой о перемѣнѣ его семейнаго положенія не заявлялъ управленію, то и въ письменныхъ свѣдѣніяхъ о томъ отмѣтки не сдѣлано, по этой же при-

чинѣ онъ рядовой въ указѣ объ отставкѣ написанъ холостымъ. При чемъ воинскій начальникъ присо-вокунилъ, что утвержденнымъ Министрами военнымъ и внутреннимъ дѣлъ руководствомъ для учета нижнихъ чиновъ запаса арміи и флота, установленъ порядокъ, чтобы, за окончаніемъ срока службы запасныхъ нижнихъ чиновъ, выдавать имъ свидѣтельства о выполненіи воинской повинности и при врученіи таковыхъ отбирать отъ нихъ увольнительные билеты, слѣдовательно если запасные нижніе чины не будутъ заявлять воинскимъ начальникамъ о перемѣнѣ ихъ семейнаго положенія, съ представленіемъ въ томъ доказательствахъ, то случаи, подобные изложенному, будутъ нерѣдки. Если же Духовной Консисторіи желательно, чтобы порядокъ этотъ былъ измѣненъ, то о томъ слѣдуетъ войти съ ходатайствомъ къ высшей власти. Что же касается просьбы Консисторіи о замѣнѣ выданнаго управленіемъ 28 мая 1885 года указа объ отставкѣ новымъ документомъ, то въ таковой замѣнѣ не предстоитъ надобности, такъ какъ на семъ же указѣ можетъ быть сдѣлана надпись о перемѣнѣ семейнаго положенія, если этотъ документъ представленъ будетъ въ управленіе. Преосвященный, донося Святѣйшему Синоду о вышеизложенномъ, проситъ принять надлежащія мѣры къ устранинн неуровненностей, встрѣчающихся при выдачѣ нижнимъ чинамъ указовъ объ отставкахъ по отношенію къ перемѣнамъ въ семейномъ ихъ положеніи. Разсмотрѣвъ вышеизложенное, Святѣйшій Синодъ 5 апрѣля—1 іюня 1888 года опредѣлилъ: предоставить Г. Синодальному Оберъ-Прокурору войти по возбужденному Преосвященнымъ вопросу въ сношеніе съ Военнымъ Министромъ, прося о послѣдующемъ увѣдомитъ Г. Товарища Синодальнаго Оберъ-Прокурора въ предложеніи отъ 7 сентября 1888 года, за № 4141, объяснилъ, что велѣдствіе сдѣланнаго сношенія съ Военнымъ Министромъ, Генераль-Адъютантъ Вапповскій увѣдомилъ, что до изданія новыхъ правилъ объ учетѣ нижнихъ чиновъ запаса арміи и флота, обнаруженныхъ въ Собраніи узаконеній и распоряженій правительства 1886 года за № 14, увольняемые изъ запаса въ отставку нижніе чины получали указы объ отставкѣ, служившіе имъ какъ видами на жительство, такъ равно и удостовѣреніемъ семейнаго положенія, въ настоящее же время люди сію снабжаются не указами, а свидѣтельствами о выполненіи воинской повинности, которыя видами на жительство и удостовѣреніемъ семейнаго ихъ положенія не служатъ. Точно также и увольнительные билеты для нижнихъ чиновъ, перечисляемыхъ изъ войскъ въ запасъ, не служатъ видами на жительство сихъ людей, а потому въ выдаваемыхъ имъ билетахъ означается только, холосты-ли они или женаты, и свѣдѣніе это

берется изъ пріемныхъ формуляровъ, составляемыхъ въ присутствіяхъ по воинской повинности, при поступленіи людей на службу. Для отклоненія же недоразумѣній, по военному вѣдомству разъяснено, что въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ состоявшаго въ запасѣ нижняго чина не поступало никакого документальнаго заявленія объ измѣненіи въ его семейномъ положеніи, то въ вышеупомянутыхъ свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ при отставкѣ, должно означаться только: „что по послужному списку, составленному въ такомъ-то году, значился холостымъ или женатымъ“. Такимъ образомъ, выдаваемое нынѣ свидѣтельство о выполненіи воинской повинности удостовѣряетъ только прохожденіе военной службы предъавителя; слѣдовательно, если-бы кто изъ такихъ людей пожелалъ вступить въ бракъ, то священникъ обязанъ требовать отъ него такіе же документы, какіе, при подобныхъ обстоятельствахъ, должны быть представляемы всѣми прочими лицами, не бывшими на военной службѣ. При точномъ соблюденіи этого порядка со стороны священниковъ не можетъ встрѣтиться недоразумѣній, подобно приведеннымъ въ вышеупомянутомъ Синодальномъ опредѣленіи отъ 5 апрѣля—1 июня 1888 года. Соглашаясь съ такимъ отзывомъ Военнаго Министра, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: о вышеизложенномъ дать знать къ исполненію по духовному вѣдомству циркулярными указами.

РАСПОРЯЖЕНІЕ

Х.-В. Епархіального Начальства

отъ 12—20 апрѣля сего 1889 года о производствѣ въ церквахъ сбора пожертвованій въ пользу слѣпыхъ въ теченіи недѣли о слѣпомъ.

Въ Холмско-Варшавскую Духовную Консисторію сдано Высокопреосвященнымъ Леонтіемъ, Архіепископомъ Холмско-Варшавскимъ для распоряженія по прежнимъ примѣрамъ отношеніе Предсѣдателя Совѣта Маріинскаго Попечительства о слѣпыхъ, статсъ-секретаря К. Грота, отъ 20 мин. марта, слѣдующаго содержанія: По примѣру прежнихъ лѣтъ, Совѣтъ Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ предполагаетъ воспользоваться вновь въ текущемъ году полученнымъ отъ Святѣйшаго Синода, какъ извѣстно Вашему Преосвященству, еще въ 1881 году разрѣшеніемъ на ежегодное производство сбора пожертвованій въ пользу слѣпыхъ въ теченіи недѣли о слѣпомъ (недѣля 5-я по Пасхѣ) во всѣхъ городскихъ и монастырскихъ

церквахъ, и возложилъ руководство и всѣ распоряженія по производству означеннаго сбора въ предстоящую недѣлю о слѣпомъ, съ 14-го по 21-ое мая, во вѣрнопой Вашему Высокопреосвященству епархіи на уполномоченнаго своего, управляющаго Акцизными сборами по Варшавской и Сѣдлецкой губерніямъ, д. с. с. Барона Ник. Вас. Штейнгейля, предоставивъ ему какъ выборъ лицъ, завѣдывающихъ сборомъ въ городахъ, и сборщиковъ въ каждомъ отдѣльномъ храмѣ, такъ и вообще установленіе всѣхъ ближайшихъ подробностей сего дѣла.

Сообщая о семъ Его Высокопреосвященству, статсъ-секретарь Гротъ отъ имени Совѣта Попечительства Императрицы Маріи Александровны проситъ о содѣйствіи къ успѣшному осуществленію предполагаемаго церковно-кружечнаго сбора. **Справка:** Циркулярнымъ указомъ Свят. Синода отъ 8 августа 1885 г. за № 6 предписано епархіальнымъ начальствамъ, чтобы установленные въ городскихъ и монастырскихъ церквахъ въ недѣлю о слѣпомъ сборы пожертвованій въ пользу Маріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ были производимы и соответствующее слово о значеніи сихъ пожертвованій было произнесено не вѣлѣдъ за чтеніемъ евангелія, какъ дѣлалось прежде, а въ обычное для того время, предъ окончаніемъ литургіи, о чемъ и дано знать духовенству Х.-Варшавской епархіи циркулярнымъ указомъ, чрезъ подлежащихъ благочинныхъ, отъ 11 сентября 1885 г. **Приказали:** О содержаніи настоящаго отношенія статсъ-секретаря К. Грота и прописанномъ въ справкѣ распоряженіи Свят. Синода къ свѣдѣнію и должному исполненію объявить настоятелямъ городскихъ церквей и Яблочинскаго монастыря чрезъ припечатаніе въ Холмско-Варшавскомъ Епархіальномъ Вѣстникѣ.

Назначеніе на священнослужительскія вакансіи.

Архипастырскою резолюціею Высокопреосвященнаго Леонтія Архіепископа Холмско-Варшавскаго, отъ 3-го минувшаго апрѣля, согласно представленію Преосвященнаго Викарія, на открывшуюся, по перемѣщеніи священника Іосифа Дохняка къ Бѣльскому собору, вакансію настоятеля Чекановскаго прихода Сѣдлецкаго округа назначенъ помощникъ настоятеля Влодавской церкви священникъ Антоній Вашевичъ, а на его мѣсто опредѣленъ состоявшій на діаконской вакансіи при той же—Влодавской церкви священникъ Александръ Томашевичъ, означенная же діаконская вакансія предоставлена псаломщику Савинской церкви Мелетію Теодоровичу, съ тѣмъ, чтобы

онъ до особаго распоряженія оставался въ санѣ діакона.

Новое присоединеніе чеховъ къ православной церкви въ г. Лодзи.

Движеніе чеховъ къ православію перешло за предѣлы города Лодзи и обнаружилось въ уѣздахъ Лодзинскомъ и Ласкомъ. Деятнадцать обоего пола чеховъ, изъ коихъ одни проживаютъ въ гор. Лодзи, другіе въ гминѣ Брусь Лодзинскаго уѣзда и третьи въ гминѣ Зелевъ Ласкаго уѣзда, объявили настоятелю Лодзинской церкви священнику Іоанну Юхновскому о своемъ желаніи присоединиться къ православной церкви. Принявъ отъ нихъ прошенія на имя Высокопреосвященнаго Леонтія Архіепископа Холмско-Варшавскаго съ установленными подписками и получивъ Архiepастырское разрѣшеніе и благословеніе Его Высокопреосвященства, священникъ Юхновскій по предварительномъ наставленіи просителей въ истинахъ православнаго вѣроученія и правоученія, присоединилъ ихъ къ православію въ Лодзинской церкви предъ литургіею въ два воскресные дня Великаго поста, а именно: пять чело-вѣкъ 12 марта, и четырнадцать 19 тогожь марта. Изъ присоединившихся 9 чеховъ принадлежали къ римско-католической церкви, 8 къ лютеранской и 2 были реформатами. О. Юхновскій преподавалъ новоприсоединеннымъ благословеніе православной церкви и сказалъ имъ соотвѣтственное поученіе.

ОТДѢЛЪ II.

Римскій катихизисъ и православное исповѣданіе Петра Могилы.

(Продолженіе).

III. Параллельное разсмотрѣніе ученія о таинствахъ, заключающагося въ Римскомъ катихизисѣ и Православномъ исповѣданіи.

I. Ученіе Римскаго катихизиса и Православнаго исповѣданія о таинствѣ вообще; о крещеніи.

Въ разсмотрѣніи ученія о таинствахъ въ Римскомъ катихизисѣ мы встрѣчаемся съ яркимъ проявленіемъ богословствующаго ума, выдрессированнаго схоластикой.

Начавъ съ указанія значенія слова „таинство“ въ употребленіи его у писателей свѣтскихъ и церковныхъ, Римскій катихизисъ опредѣляетъ его сло-

вами блаж. Августина: „Таинство есть знакъ священной вещи, т. е. установленный для нашего освященія видимый знакъ невидимой благодати“, (sacramentum est signum rei sacrae, i. e. invisibilis gratiae visibile signum, ad nostram justificationem institutum¹). Затѣмъ анализируется понятіе „знакъ“ (signum), употребляемое или какъ условный символъ известной вещи (напр., слово, картина и др.), или какъ дѣйствительное обозначеніе предмета, каковъ онъ по природѣ. „Signum“ въ приложеніи къ „sacramentum“ употребляется въ первомъ смыслѣ, служа видимымъ символомъ дѣйствительно сообщаемой намъ благодати Св. Духа. Знаки, какъ символы вещей, или указаны природою послѣднихъ (signa naturalia), или условно приняты людьми для обозначенія предмета (signa constituta, atque ab hominibus inventa); знаки, употребляемые въ таинствахъ, установлены Самимъ Богомъ (signa divinitus data) и обозначаютъ известную совокупность божественныхъ дѣйствій, переносящихъ мысль нашу къ прошлому, имѣющихъ мѣсто въ настоящемъ и окрыляющихъ надеждою на будущее²). Причины установленія таинствъ, по Римскому катихизису, слѣдующія: 1. слабость челоѣческаго ума проникнуть въ то, что совершается духовно; 2. слабая возбудимость челоѣческаго духа въ стремленіи къ тому, что общается и во что должно вѣрить; 3. ничѣмъ не удовлетворимая нужда души въ таинствахъ, какъ во врачествѣ, и 4. необходимость для челоѣка въ видимомъ знакѣ для распознаванія вѣрующаго. Таинства предъ людьми изобличаютъ нашу еѣру, възгрѣваютъ любовь и обуздываютъ гордость ума, заставляя насъ подчиняться Богу³). Необходимыя части таинствъ—матерія и форма, которыя, взаимно проникаясь, производятъ въ результатѣ таинство: входитъ слово въ вещество,—и происходитъ таинство (accedit verbum ad elementum et fit sacramentum)⁴). Отличіе новозавѣтныхъ таинствъ отъ ветхозавѣтныхъ въ томъ, что послѣднія не имѣли строго опредѣленной формы и потому не отличались ясностью первыхъ⁵). Церковные обряды, сопровождающіе таинства, имѣютъ свой raison d'être (основаніе) въ томъ, что 1) прилично обставляютъ священнодѣйствія торжественными церемоніями, которыя 2) дѣлаютъ таинства какъ бы наглядными и 3) увлекаютъ мысль созерцающихъ таинства къ постиженію болѣе тонкихъ вещей⁶). Таинствъ семь, и въ большемъ количествѣ не нуждается церковь, ибо это число полно охватываетъ и

¹) Cat. Rom. P. II, I. 1—3.

²) ibid. qu. 4—6.

³) ibid. qu. 7.

⁴) ibid. qu. 8.

⁵) ibid. qu. 9.

⁶) ibid. qu. 10.

удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ вѣрующей души¹⁾. Всѣ таинства различаются между собою по необходимости и достоинству: самыми необходимыми для вѣрующихъ признаются—крещение, покаяние и священство, а по достоинству нѣтъ выше св. евхаристіи²⁾. Установителемъ таинствъ признается Богъ, пользующійся для этого, какъ слугами, извѣстными людьми, совершающими таинство не своею силою, а вслѣдствіе полномочій, данныхъ имъ Христомъ, который собственно и есть истинный совершитель таинствъ; оттого то послѣднія при точномъ выполненіи совершающими извѣстныхъ предписанныхъ условій (формы и матеріи) по отношенію къ пріемлющимъ таинства являются дѣйственными безотносительно къ нравственному состоянію самыхъ совершителей таинствъ, которые (совершители) дадутъ тяжкій отвѣтъ Богу въ случаѣ недостойнаго совершенія послѣднихъ³⁾. Дѣйствія таинствъ проявляются въ сообщеніи пользующимся ими 1) оправдывающей благодати (*gratia justificantis*) и 2) неизгладимаго (*indelebilis*) слѣда, постоянно остающагося въ душѣ вѣрующаго (*perpetuo inhoeret*) по совершеніи надъ нимъ таинства (*character, quem animae imprimeunt*); сила послѣдняго свойства принадлежитъ только таинствамъ крещенію, миропомазанію и священству⁴⁾. Давъ наставленіе священникамъ—постоянно выяснять важность и необходимость таинствъ для вѣрующихъ, Римскій катихизисъ заключаетъ общее разсужденіе о таинствахъ утверженіемъ ихъ вѣчнаго пребыванія въ церкви⁵⁾.

Православное исповѣданіе несравненно короче Римскаго катихизиса опредѣляетъ сущность таинства, понимаемаго имъ такъ же какъ и въ Римскомъ катихизисѣ; такъ же какъ послѣдній, признаетъ необходимыми для совершенія таинства—матерію, форму и законнаго совершителя, и въ томъ же смыслѣ, что и Римскій катихизисъ, выясняетъ необходимость таинствъ для церкви и вѣрующихъ⁶⁾.

За опредѣленіемъ таинства вообще какъ въ Римскомъ катихизисѣ, такъ и въ Православномъ исповѣданіи, слѣдуетъ изъясненіе каждаго изъ нихъ въ частности и прежде всего крещенія.

Указавъ на важность выясненія народу сущности этого таинства особенно въ нарочитые для совершенія этого таинства дни, разъяснивъ филологическое значеніе слова крещеніе (*baptismus*) и употребляемые въ священномъ писаніи синонимы его, Римскій катихизисъ опредѣляетъ сущность таинства крещенія, какъ таинство возрожденія чрезъ воду въ словѣ (*sacramentum regenerationis per aquam in*

verbo)¹⁾. Таинство крещенія совершается чрезъ омовеніе водою съ произнесеніемъ извѣстныхъ словъ, а не одною силою крещальной воды въ натуральномъ, непримѣнномъ видѣ (рѣчная, морская, дождевая, отъ таянія снѣга и пр.) служащей единственной матеріей таинства²⁾. Перечисливъ прообразы таинства крещенія, указавъ, согласно Иерониму, въ качествѣ причинъ избранія матеріей крещенія воду а) обиліе воды, обезпечивающее возможность безпрятственнаго пользованія ею для совершенія таинства, необходимѣйшаго и часто не теряющаго отлагательствъ, и б) символическое значеніе воды, знаменующей таинственно совершающееся омовеніе сквернъ духовныхъ и ослабленіе пыла страстей; упомянувъ объ обычаяхъ церкви—предназначенную для крещенія натуральную воду знаменовать освященнымъ елеемъ (*charisma*), Римскій катихизисъ настаиваетъ на необходимости всѣмъ вѣрующимъ знать формулу крещенія, чтобы по нуждѣ воспользоваться. Истолковавъ принятую Римско-католическою церковью формулу крещенія: я тебя крещая во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа (*Ego te baptizo in nomine Patris, et Filii, et Spiritus sancti*), Римскій катихизисъ поясняетъ, что это, однако, не единственная формула, — одинаковое значеніе съ нею имѣетъ и другая: „крещается рабъ Божій во имя Отца, и Сына и Св. Духа“; даже крещеніе во имя одного Христа признается дѣйствительнымъ; послѣднее положеніе Римскій катихизисъ доказываетъ (демонстрируетъ) примѣрами изъ апостольской практики³⁾. — Крещеніе признается правильно совершеннымъ или чрезъ погруженіе въ воду, или чрезъ обливаніе, или же чрезъ окропленіе; количество погруженій крещаемого въ воду безразлично; при обливательномъ крещеніи этой операціи подвергается не другой членъ, а голова, какъ мѣсто, гдѣ получаютъ силу внутреннія и внѣшнія чувства⁴⁾. — Установлено таинство крещенія при крещеніи Спасителя, но законную силу пріобрѣло оно послѣ крестныхъ Его страданій⁵⁾. Законными совершителями таинства Римскимъ катихизисомъ признаются: 1. епископы и священники, 2. діаконы съ благословенія епископа и священника и 3. въ крайней нуждѣ и міряне безъ различія пола и даже вѣры подъ условіемъ точнаго совершенія формы крещенія; предпочтеніе въ совершеніи таинства отдается первому классу предъ вторымъ и этому послѣднему предъ третьимъ⁶⁾. Кромѣ совершителя, въ таинствѣ крещенія участвуютъ и

¹⁾ *ibid.* qu. 11—12. ²⁾ *ibid.* qu. 13. ³⁾ *ibid.* qu. 15—17.

⁴⁾ *ibid.* qu. 18—19.

⁵⁾ *ibid.* 20—21.

⁶⁾ Орол. А. рѣ¹—рѣ².

¹⁾ *Cat. Rom.* P. II. П, 1—4.

²⁾ *ibid.* qu. 5—6.

³⁾ *ibid.* qu. 10—12.

⁴⁾ *ibid.* qu. 13—15.

⁵⁾ *ibid.* qu. 16—17.

⁶⁾ *ibid.* qu. 18—19.

восприемники, какъ руководители духовно родившагося чрезъ крещеніе. Не только совершитель, но и восприемникъ не могутъ вступить въ бракъ съ принявшимъ при посредствѣ ихъ крещеніе (вопросъ каноническій¹⁾). Выяснивши обязанности восприемниковъ, Римскій катихизисъ опредѣляетъ кругъ людей, имѣющихъ право быть восприемниками, исключая изъ числа послѣднихъ родителей, еретиковъ и невѣрныхъ и ограничивая число ихъ однимъ человекомъ мужскаго или женскаго пола по двумъ причинамъ: 1. чтобы не нарушать единства въ воспитаніи и 2. чтобы не затруднять родствомъ браковъ²⁾. Къ крещенію, какъ таинству, всѣмъ необходимому для спасенія, наравнѣ со взрослыми допускаются и младенцы, въ подтвержденіе чего Римскій катихизисъ ссылается на волю Спасителя, запретившаго возбранять младенцамъ доступъ къ Себѣ, и на примѣры апостоловъ; при крещеніи младенцамъ подается благодать Св. Духа по вѣрѣ восприемниковъ; поэтому большой ответственности подвергаются вѣрующіе, медлящіе крещеніемъ дѣтей, особенно когда послѣдніе находятся въ болѣзненномъ состояніи³⁾. Но совершеннолѣтніе не сразу допускаются къ таинству крещенія, ибо церковь опасается, чтобы не приступали къ таинству лицемѣрно (фиктивно), для распознанія чего въ древности на нѣкоторое время желающіе крещенія проходили состояніе оглашенія; крещеніе Римскою церковью приурочено къ опредѣленнымъ днямъ Пасхи и Пятидесятницы, которыхъ и должны дожидаться крещаемые⁴⁾. Условіями для принятія излагаемаго таинства служатъ: 1. выраженное желаніе со стороны крещаемого пользоваться таинствомъ (за младенцевъ такое желаніе высказываютъ восприемники, а взрослые должны высказывать его самолично); поэтому безумные и сумасшедшіе, когда подвержены припадкамъ умопомѣшательства и не въ состояніи выразить своего желанія, по ученію Римскаго катихизиса, не могутъ быть допускаемы къ таинству, пока не придутъ въ разумъ или не подадутъ какого-либо знака, выражающаго ихъ желаніе креститься; 2. вѣра и 3. раскаяніе и обѣщаніе уклоняться въ дальнѣйшей жизни отъ грѣховъ⁵⁾. Главнѣйшій плодъ (послѣдствіе) крещенія состоитъ въ томъ, что „удивительною силою этого таинства прощается и изглаждается грѣхъ какъ унаслѣдованный отъ нашихъ прародителей, такъ и нами лично совершенный, будь онъ (грѣхъ) даже настолько нечестивымъ, что трудно представить“ (*rescatum, sive a primis parentibus origine contractum, sive a nobis ipsis commissum, quamvis etiam adeo nefari-*

*rium sit, ut ne cogitari quidem posse videatur, admirabili hujus sacramenti virtute remitti et condonari (tradere oportet); только пожеланіе (похоть) грѣха не уничтожается крещеніемъ, хотя при этомъ не только вина, но и всякое наказаніе за содѣланные грѣхи снимаются съ крещаемого, исключая его гражданской ответственности¹⁾. На вопросъ, почему въ крещеніи человекъ и неозащитывается въ своей неповрежденной природѣ, Римскій катихизисъ указываетъ двѣ причины: 1) чтобы человекъ чрезъ это не сталъ выше Главы церкви—Христа, который „принятую брѣвность человѣческой природы не прежде сложилъ съ себя, какъ претерпѣлъ мученія и смерть и наконецъ воскресъ для славы безсмертной жизни“ (*humanae naturae fragilitatem, quam suscepit, non ante deposuit, quam passionis tormenta et mortem pertulit ac deinde ad immortalis vitae gloriam resurrexit*), и 2) чтобы, преодолевая въ себѣ пожеланіе грѣха, заслужилъ право на награды за добродѣтели, хотя возстановленный человекъ, въ настоящей жизни получаетъ утѣшеніе²⁾. Второй плодъ (*fructus*) таинства крещенія—усыновленіе оправданнаго человека, который чрезъ крещеніе связывается со Христомъ, какъ членъ тѣла съ главою, и съ помощью благодатныхъ даровъ, воспринятыхъ въ таинствѣ крещенія, ведетъ борьбу противъ своихъ страстей³⁾. Таинство крещенія не повторяется; въ случаѣ, если доподлинно неизвѣстно, крещенъ ли извѣстный младенецъ, употребляется условная формула: „если крещенъ, вторично не крещая тебя: если же еще не крещенъ, крещая тебя во имя“ и проч. (*si baptizatus es, te iterum non baptizo: si vero nondum baptizatus es, ego te baptizo in nomine etcet*); но эта формула употребляется только, когда крещаемый не можетъ отвѣтить за себя, крещенъ онъ, или нѣтъ. Третій плодъ крещенія—отвертіе дверей царства небеснаго. Разяснивъ значеніе сопровождающихъ таинство обрядовъ вообще, Римскій катихизисъ до конца занимается послѣдовательнымъ изложеніемъ чина крещенія по обряду Римско-католической церкви съ изясненіемъ смысла этихъ обрядовъ (часть литургическая), которые отличаются отъ обрядовъ православной церкви тѣмъ, что въ уста крещаемого младенца кладется соль⁴⁾.*

За исключеніемъ схоластическихъ соображеній на вопросъ: почему? въ который любитъ пускаться Римскій катихизисъ, избѣгая каноническихъ вопросовъ о недозволенности вступленія въ бракъ воспринятыхъ съ восприемниками, Православное исповѣданіе въ самомъ сжатомъ видѣ цѣликомъ передаетъ о крещеніи

¹⁾ *ibid.* qu. 20—21.

²⁾ 22—24.

³⁾ *ibid.* qu. 25—28.

⁴⁾ *ibid.* qu. 29.

⁵⁾ *ibid.* qu. 30.

¹⁾ *ibid.* qu. 31—35.

²⁾ *ibid.* qu. 36—37.

³⁾ *ibid.* qu. 38—40.

⁴⁾ *ibid.* qu. 40—61.

то, что мы нашли въ Римскомъ катихизисѣ; только формою крещенія оно признаетъ слова во имя Отца (аминь) и Сына (аминь) и Св. Духа (аминь) εις το θ̄νομα τοῦ Πατρὸς ἀμ̄ην καὶ τοῦ Υἱοῦ ἀμ̄ην καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἀμ̄ην (ам̄ην повторяетъ воспріемникъ¹⁾).

(Продолженіе будетъ).

Ев. Черняковскій.

Историческій очеркъ Милеевской св. Параскевѣевской церкви, въ связи съ обзоромъ окатоличенія и ополяченія Завапрянской Руси (до р. Быстрицы).

(Продолженіе).

Находясь между двумя „горпилами“, Люблинскимъ и Красноставскимъ, Завапрянская Русь въ разсматриваемыхъ предѣлахъ, несомнѣнно, подвергалась сильнымъ напорамъ р.-католической пропаганды. При наличныхъ источникахъ ничего нельзя сказать навѣрное, какъ она велась въ *частностяхъ* и каковы были устойчивость въ православіи и сопротивленіе ей мѣстнаго русскаго населенія. Извѣстно лишь *вообще*, что на пространствѣ изслѣдуемаго треугольника, между р. р. Вепремъ и Быстрицею, въ XIV вѣкѣ появился всего только одинъ р.-католическій костелъ въ Быхавѣ²⁾ (съ 1342 года вошедшей въ территорію Краковской епархіи), въ XV в. — ни одного³⁾, и въ XVI в. — не больше двухъ: одинъ въ Пяскахъ 1531 года, другой въ Кіянкахъ 1598 года⁴⁾. Въ Крцоновѣ уже былъ въ 1549 году небольшой, очевидно, недавно образовавшійся, р.-католическій приходъ, но безъ костела, приписной къ Люблинскому св. Троицкому костелу⁵⁾. Вотъ и всѣ завоеванія въ русской странѣ *двухъ большихъ армій*:

¹⁾ Мол. А. рѣ—рѣ.

²⁾ И то, если вѣрить указанію Catalogus'a (str. 19), при полномъ умолчаніи объ этомъ другихъ, болѣе серьезныхъ изслѣдованій, какъ „Staroż. Pol.“ и Энциклопедіи „Kościołna“, „Ogólna“.

³⁾ По всѣмъ извѣстнымъ мнѣ источникамъ.

⁴⁾ Catalogus 23, 53.

⁵⁾ О Крцоновѣ, какъ селѣ по названію и населенію русскомъ, сказано будетъ нѣсколько словъ потомъ. О костелѣ же въ Крцоновѣ въ одномъ источникѣ (Staroż. Pol. III. 294) пишется слѣдующее: „Wieś ta należała do K—stwa Lubelskiego i miała swoją parafią, która w r. 1549... została połączona z probostwem s. Trójcy na zamku Lubelskim. Kościół muirowany Wniebowzięcia Panny Maryi stanął w r. 1780“. А „Catalogus“ показываеъ (str. 22), что костелъ того же имени (Успенія Пресв. Богородицы) сооруженъ былъ въ 1633 г. Ясно, что—по обоимъ источникамъ — въ 1549 году его еще не было. Прихожанами могли быть только не многіе: иначе не было бы возможности приписать ихъ къ такому отдаленному костелу.

сѣверной—люблинской и южной—красноставской: Пяски—въ центрѣ треугольника, Кіяны—у вершины его, а Быхава, Крцоновъ и Красноставъ — у основанія. Какъ будто выходитъ, что р.-католическіе миссіонеры съ искусною тактикой завоевывали подъ власть папства описываемую Вепрянско-Быстрицкую русскую страну; но въ дѣйствительности постройка ихъ оказалась воздвигнутою на песокъ: въ половинѣ XVI вѣка „пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ, и было паденіе его великое“ (Мато. 5, 27). Костелы въ Пяскахъ и Быхавѣ были закрыты для р.-католическаго богослуженія и обращены на нужды соціантъ; кіянскаго еще не существовало; Пяски, Сѣдлица, Войславицы, Суходолы, Олесники, Степжца, Ченстоборовице, Крцоновъ, особенно Быхава и даже Люблинъ¹⁾ сдѣлались центрами соціанства, кальвинства и лютеранства, которыми увлеклась почти поголовно вся шляхта Люблинскаго воеводства. „Вся страна“—свидѣтельствуютъ сами польскіе изслѣдователи—„почти безъ исключенія отъ Пясковъ (то же было и на сѣверѣ отъ Пясковъ) даже за Красноставъ до Крупъ (на другой сторонѣ Вепря) была заселена только соціанскою шляхтою или другими иновѣрцами“²⁾, т. е.—иными словами—на этомъ пространствѣ р.-католиковъ „почти“ вовсе не было. И это продолжалось не годъ, не два, а всю вторую половину XVI вѣка и слишкомъ три десятилѣтія въ XVII вѣкѣ! Кто же населялъ тогда, кромѣ увлекшейся религіознымъ свободомысліемъ шляхты, эту безкостельную и акатолическую страну? Какъ Божій день ясно, что продолжали жить въ своей праотеческой православной вѣрѣ тѣ, которые и раньше въ ней жили, когда не только о соціанахъ, кальвинцахъ и лютеранахъ, но и объ р.-католикахъ *здѣсь помину не было*.

Въ этой-то искони и въ XVI вѣкѣ русской странѣ находится село Милеевъ. Расположено оно на лѣвомъ берегу Вепря, подъ 51,23⁰ с. ш.³⁾. На югѣ отъ него близехонько⁴⁾, тоже на Вепрѣ, лежитъ деревня *Яшовъ*, принадлежавшая къ Милеевскому приходу. Самыя раннія свѣдѣнія о существованіи этого прихода восходятъ къ 1531 г. Въ податныхъ реестрахъ Луковскаго округа, подъ рубрикою: „Exactio a popis rutenis primaе et secundaе ratae anno 1531“, между прочимъ, вписано: *popo Milejowiensi.. solvit per gr. 15⁴⁾* (вѣроятно, за земли на правомъ берегу Вепря⁵⁾),

¹⁾ Staroż. Pol. III. 246—248, 253, 254, 292—299.

²⁾ Ibid. 295, примѣч. *

³⁾ Спец. карта Евр. Рос. № 7.

⁴⁾ „Kilka staj tylko“ (staja — 84^{1/3} сажень). Рукоп. протоколъ 4 іюля 1828 года (въ числѣ документовъ о Милеев. церкви, находящихся въ Холм. брат. музеѣ).

⁵⁾ Холм. Варш. Епарх. Вѣстн. 1887 г. стр. 31 и прим. 1.

⁶⁾ О нихъ будетъ указаніе послѣ.

принадлежавшія Луковскому округу). Случайное, благодаря лишь „15 грошамъ“ подати, но драгоценное указаніе! Несомнѣнное существованіе „рускаго“ Милеевскаго прихода въ 1531 г. отодвигаетъ *учрежденіе его къ болѣе раннимъ вѣкамъ*. Подъ польскимъ владычествомъ онъ едва ли сталъ быть: Казимпры великіе и малые, да краковскіе перекрещенцы Владиславы относительно религиозныхъ дѣлъ заботились чрезмѣрно лишь о томъ, чтобы въ подвластныхъ имъ русскихъ земляхъ заводились костелы, а церкви закрывались бы или обращались на нужды р.-католичества¹⁾. По всѣмъ соображеніямъ, исторія Милеевскаго прихода должна бы начинаться до польскихъ захватовъ здѣсь: въ вѣка вѣчно памятнаго для Холмской Руси Данила Галицкаго, „самодержца русской земли“ Романа Мстиславича, даже Ярослава Осмомысла, — а можетъ быть и раньше—при первыхъ просвѣтителяхъ Руси христіанскою вѣрою.... Кромѣ Милеева, въ обслѣдуемой между р. р. Вепремъ и Быстрицею странѣ несомнѣнно были, въ 1531 году и раньше другіе православныя церкви и приходы. Костеловъ въ ней до XIV вѣка вовсе не было, въ XIV и XV в. в. былъ всего одинъ, въ первой половинѣ XVI-го къ нему еще прибавился только одинъ; между тѣмъ страна не лежала пустыремъ, а была заселена все русскимъ „крещенымъ“ народомъ: ясно, что одного Милеева было бы весьма мало, да и мѣстоположеніе его не центральное. Но гдѣ были эти другія приходскія церкви или „русскіе попы“, на это прямыхъ указаній нѣтъ или, вѣрнѣе, хранятся они по архивамъ пока въ неизвѣстности. Приходится потому довольствоваться указаніями косвенными, вмѣсто вѣрныхъ—лишь вѣроятными.

Въ той же податной помѣтѣ Луковскаго округа отъ 1531 года, вмѣстѣ съ „попомъ Милеевскимъ“, поименованы „русскіе попы“: Бранвичскій (de Branwicz), Колеховичскій, Люблинскій, Парчовскій (Parczoviensis), Радинскій (de Cozirinek), Чеханскій (de Czechanki) и Ленчицкій (prope in Lanczna), съ замѣчаніемъ при послѣднемъ: „libertate gaudet“: Колеховицы (южнѣе Острова), Любливъ, Парчовъ, Радинъ и нынѣшняя Ленчная (прежняя Лучная или Лучна)—мѣстности хорошо извѣстныя, и всѣ онѣ—внѣ границъ изслѣдуемой территоріи. Остаются Бранвичи (или Браевича) и Чеханки. Бранвичею, очевидно, зовется нынѣшняя деревня Браницы или Браница,

¹⁾ Указаніе, не требующее ссылки на источникъ, изъ котораго оно заимствовано: такихъ источниковъ тысячи относительно другихъ русскихъ областей, находившихся подъ польскимъ владычествомъ; а что извѣстно о русскомъ населеніи, очутившемся въ территоріи епархій Краковской и р.-католической Холмской, объ этомъ кое-что сказано выше.

находящаяся въ Радинскомъ приходѣ¹⁾ (и православною, и р.-католическою, потому что со смѣшаннымъ по вѣроисповѣданію народонаселеніемъ), слѣдовательно, тоже запредѣльная. Совѣмъ иное—*Czechanka* или *Czechanki*. Въ настоящее время есть двѣ деревни²⁾, приближающіяся къ ней по названію и обѣ близъ Ленчной: по правую сторону Вепря, насупротивъ Ланцухова, *Циханки*, и на лѣвомъ берегу Вепря, на югъ отъ Ленчной, *Цеханки*. Родство звуковъ „ч“ и „ц“ (cz, c) съ правомъ перехода второго въ первый по закону смягченія, выразившемуся, между прочимъ, въ названіи Колеховицъ Колеховичами и Браницы Бранвичею, сближаетъ *Czechanki* 1531 года съ *Цеханками* нашего времени до отождествленія. Если на этомъ основаніи (а оно выходитъ довольно надежнымъ³⁾) мы сдѣлаемъ вытекающую изъ него выводъ, то благодаря тѣмъ же „15 грошамъ“, получимъ указаніе на *второй* православный приходъ въ Заверпъ, на сѣверъ отъ Милеевскаго прихода, существовавшій въ томъ же 1531 г. и съ тѣми же правами на древность. Нынѣшніе Пяски надъ р. Гелчевомъ, именовавшимся прежде

¹⁾ Списокъ церквей и духовенства Холм. Варш. Епарх. Варшава 1886 г. стр. 70. Catalogus стр. 85. Очень далеко было бы отъ Луковскаго округа искать Бранвицу въ селѣ Браневѣ или въ деревнѣ Браневкѣ (въ Яновскомъ уѣздѣ Люблинской губ.), а больше созвучныхъ географическихъ именъ въ Любл. и Обл. губерніяхъ нѣтъ. Близость Браницы или Браницъ къ перечисленнымъ въ указаніи 1531 года мѣстностямъ тоже въ пользу ея отождествленія съ Бранвичею или Бранвичами (точно неизвѣстно).

²⁾ Руководствуюсь „Спеціальною картою“ Стрѣльбицкаго. — Въ Catalogus'ѣ показаны четыре Цеханки, именно въ Ленчевскомъ приходѣ: „Ciechanki Krzesimowskie i Łęczynskie“ (стр. 54) и въ Ланцуховскомъ приходѣ: „Ciechanki“, — „Ciechanki Łančuchowskie“ (стр. 35). Раздробленіе это, вѣроятно, послѣдовало путемъ раздѣленія имѣній между наследниками во времена крѣпостного права, что подтверждаютъ и стоящія при трехъ названіяхъ опредѣлительныя прилагательныя; а отсутствіе разночтенія въ названіяхъ (всюду „Cie“ и нигдѣ „Ci“) объясняется неточностію приходскихъ костельныхъ и люблинскихъ епархіальныхъ списковъ.

³⁾ Переименованіе въ томъ же источникѣ нынѣшней Ленчной *Ланчною* ничего не говоритъ въ пользу правъ Циханокъ на отождествленіе ихъ съ селомъ Чеханками: тамъ совершенно правильно большой юсь (▲) выраженъ слогомъ „ап“ (то же, что „оп“ или „ом“), и это показываетъ, что старинное названіе этого селенія было *Лучная* или *Лучна*, т. е. расположенная на Вепрѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ образуетъ *луку*; предполагать же переходъ гласнаго „е“ въ гласный „и“ совершенно произвольно въ виду другого географическаго имени въ томъ же „округѣ“ съ гласнымъ неизмѣненнымъ. Иное дѣло, если деревня Циханки съ теченіемъ времени измѣнилась въ своемъ названіи, именно называлась прежде Цеханками. Но это нужно, во-первыхъ, доказать, а во вторыхъ, нынѣшняя большая населенность Цеханокъ, сравнительно съ Циханками, была бы, пожалуй, все-таки въ пользу сближенія ихъ съ селомъ „Czechanki“, при отсутствіи всякихъ другихъ доводовъ.

Белзой, на юго-западъ отъ Милеева, принадлежали въ XV вѣкѣ русскому „дѣдичу“ Якову Долото и назывались *Погорѣлымъ Ставомъ*¹⁾. Этотъ Долото построилъ въ 1429 году церковь въ *Ченстоборовицахъ*²⁾, на югъ отъ Пясковъ. Трудно допустить, чтобы дѣдина его, Погорѣлый Ставъ, гдѣ онъ проживалъ, оставалась тогда безъ церкви, тѣмъ болѣе, что костель здѣсь, какъ уже указано было выше, былъ выстроенъ лишь въ 1531 году. Давнее существованіе церкви въ Ченстоборовицахъ съ земельнымъ надѣломъ къ ней, а можетъ—быть и другой, вблизи ихъ церкви указываетъ состоящимъ теперь въ приходѣ Ченстоборовицкаго костела имѣніемъ *Поповъ* (*praedium Popow*)³⁾. О нынѣшнемъ православномъ Лопенникскомъ приходѣ есть свѣдѣніе, что православная церковь въ *Лопенникъ* существовала уже въ царствованіе короля Александра, слѣдовательно до 1506 года⁴⁾. Въ 1715 году она надѣлена

¹⁾ „Червенскіе города“, Лонгинова, стр. 300.

²⁾ Ченстоборовицы—чисто русское названіе мѣстности, лишь передѣланное на польскій ладъ изъ *Частоборовицъ* (Этимологическій составъ этого географическаго названія: прилагательное *частый* (собственно съ юсомъ *ч*) и существительное *боръ*; это существительное на польскомъ языкѣ было бы съ прилагательнымъ *gesty*, а не *częsty*).—*Baliński i Lipiński* въ своемъ изслѣдованіи „*Starożytna Polska*“ передѣлали этого Долото въ *Длото* и выдаютъ церковь за *костель* (III, 299). *Catalogus* же не нашелъ возможнымъ идти по тому же пути или не провѣдалъ объ этой лазейкѣ и показываетъ основаніе костела въ Ченстоборовицахъ въ 1785 г. (стр. 47). По „*Encykl. kościelnej*“ въ Ченстоборовицахъ костела еще не было въ 1717 г. (III, 249—250).

³⁾ *Catalogus*, стр. 47.

⁴⁾ Свѣдѣніе о существованіи православнаго Лопенникскаго прихода въ 1524 году сообщается въ изслѣдованіи—„Червенскіе города“—Лонгинова (стр. 257, 258, 352) въ формѣ категорической, какъ несомнѣнная истина; но тѣ данныя, на которыхъ такое утвержденіе обосновано, нельзя признать достаточно вѣрными, и я рѣшился причислить ихъ лишь къ „указаніямъ косвеннымъ“, считая выводъ изъ нихъ только „вѣроятнымъ“. (См. оговорку сію выше). Въ подтвердительной грамотѣ короля Августа III отъ 7 сентября 1748 года, данной въ пользу Лопенникской церкви, приведена цѣликомъ жалованная грамота ей же короля Александра, представленная для подтвержденія королю Августу III въ видѣ „*Extrakt—a*“ изъ Холмскихъ городекскихъ книгъ, скрѣпленная, какъ слѣдуетъ, городекою печатью. Но *Extrakt* сей оказывается съ большими хронологическими несообразностями: король Александръ, царствовавшій въ 1501—1506 гг., не могъ никого жаловать въ 1524 году 8 іюля; годъ даты называется въ жалованной грамотѣ „царствованія же нашего годомъ вторымъ“, и потому невозможно усмотрѣть въ данномъ случаѣ вставку лишняго слова или цифры „двадцать“; наконецъ въ этомъ же документѣ заявляется, что обозначенное въ немъ пожалованіе произошло во время епископствованія въ Холмѣ Юны Сосновскаго, который былъ Холмскимъ епископомъ въ 1534—1543 г. г. Хранящаяся въ Холмскомъ братскомъ музеѣ копія грамоты короля Августа III, о которой идетъ рѣчь, оказывается—въ приведенныхъ цифровыхъ данныхъ и сопоставленіяхъ съ ними

была земельнымъ участкомъ *Поповщиною*. Почти на одной широтѣ съ Милеевымъ (нѣсколько южнѣе его), на правомъ берегу Быстрицы, есть деревня *Праведники*, вся теперь р.-католическая и польская; принадлежитъ она къ приходу костела въ Кренжницѣ, за р. Быстрицею, приписною къ Зембожицкому костелу. Велушайтесь въ эти родные звуки „*Правед-ни-ки*“: какое несоотвѣтствіе между ними и нынѣшнимъ праведническимъ польскимъ населеніемъ съ его р.-католическою религіею! Вѣроятно, въ стародавнія времена здѣсь былъ православный монастырь и въ немъ подвизались, по нашему народному выраженію, „праведники“; для польскаго же слуха это слово ничего не говоритъ: оно—чуждо польскому языку, и въ той мѣстности есть олицетворенный отшельникъ—заточникъ. — Въ поискахъ за указаніями о древнемъ православіи въ сохранившихся до нашего времени географическихъ именахъ изслѣдуемой страны обращаетъ еще на себя вниманіе село *Крщоновъ*, уже нѣсколько знакомое изъ предыдущаго. Названіе его только съ лингвистическими натяжками можно производить изъ польскаго языка (отъ словъ: „*chrzścić, chrzciny, chrzczony, krzścić, krzciny*“); изъ русскаго же, особенно черезъ церковно-славянскій, оно выводится безъ всякихъ ухищреній. За русское происхожденіе его стоитъ и исторія: съ этимъ названіемъ оно уже было извѣстно въ первой половинѣ XVI вѣка, когда польскій элементъ въ этихъ мѣстностяхъ былъ совершенно ничтоженъ. Не только самое названіе многозначительно: мѣстное преданіе (читаемъ въ сочиненіи „*Starożytna Polska*“) приписываетъ даже этому обряду (т. е. „крещенію... сочиніанъ въ зрѣломъ возрастѣ *черезъ погруженіе въ водъ*“) происхожденіе названія села *Крщоновъ*¹⁾. Явная ошибка для авторовъ этого изслѣдованія, или „мѣстнаго преданія“

указанныхъ лицъ—вѣрною съ текстомъ записи ея въ Красноставскихъ городекскихъ книгахъ отъ 1758 г. (кн. 59, стр. 174), судя по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ изслѣдованіи „Червенскіе города“. *Вѣроятность* же существованія Лопенникской церкви въ 1524 г. вытекаетъ изъ всего, что говорится въ настоящемъ моемъ изслѣдованіи о Заверьи того времени: допущенію этого факта рѣшительно ничто не *противорѣчитъ*, напротивъ все существенное, общее съ нимъ *согласуется*. — Въ одномъ официальномъ актѣ (въ Холм. брат. музеѣ) отъ 12 іюля 1820 г., именно въ актѣ ввода новаго священника въ Лопенникскій приходъ, — „*эрекція короля Александра*“—получила наименованіе „*erekcji króla Jageły*“, т. е. время учредительной и дарственной на Лопенникскую церковь грамоты отодвигается еще дальше въ древность. Забытая, заброшенная *старина* слышится въ этихъ позднѣйшихъ *номинахъ*.

¹⁾ „*Tradycya miejscowa przyznaje nawet temu obrządkowi (т. е. будто бы крещенію сочиніанъ массаи) pochodzenie nazwiska wsi Krzczonow*“. Но въ такомъ случаѣ названіе этого села произошло бы *ante factum*.

заключается лишь въ томъ, что приняты во вниманіе соціиане, ихъ крещеніе, а не вообще христіане. Въ той же „Starozytnej Polsce“ сообщается, что соціианство впервые внесено въ Польшу въ 1551 году, а Крщоновъ назывался такъ уже 1549 года¹⁾, и названіе это не было тогда для него новымъ. Если же раньше здѣсь произошло какое-то особенное выдающееся крещеніе, памятное на всѣ послѣдующіе вѣка, замѣчательнѣйшее въ такой степени, что дало названіе самой населенной мѣстности, то въ этомъ названіи нельзя не признать (конечно, предположительно) указанія на стародавнюю старину, можетъ быть, на первое крещеніе въ православную вѣру русскихъ еще... въ язычествѣ.

Больше географическихъ именъ, съ указаніями на древнее въ послѣдуемой странѣ православіе, на „Спеціальной картѣ“ нѣтъ и въ извѣстныхъ мнѣ письменныхъ источникахъ не указывается. Не можетъ быть, чтобы здѣсь не было запустѣлыхъ „Церковищъ“ и „Монастырищъ“ съ соединенными съ ними знаменательными преданіями, въ родѣ Крщоновскаго или Бусенско-Курмановскаго²⁾; но до сихъ поръ никто ничего подобнаго здѣсь не разыскивалъ: польскіе ученые этимъ не интересовались, а русскіе сюда не наѣзжали³⁾.

¹⁾ П. str. 292 и 293.

²⁾ О послѣднемъ въ моей статьѣ: „Великое значеніе Кіева въ церковной жизни Холмской Руси“ („Варшавскій Дневникъ“ 1888 г. № 163).

³⁾ „Червенскіе города“, А. В. Лонгинова (Варшава. 1885 года) составляютъ починъ (пока безъ продолжателей) такого рода изслѣдованій *на мѣстѣ*. Но и этотъ почтеннѣйшій трудъ коснулся изслѣдуемой мною страны только въ самыхъ *общихъ*: историческихъ указаніяхъ, *частности* же.... но лучше скажу о томъ, что „касается церковей, городовъ и посадовъ древней земли Холмской,“ словами самого автора: „Начну (пишетъ онъ) съ лѣваго берега западнаго Буга и буду постепенно подвигаться къ долинь Вепря, до самыхъ его верховьевъ, минуя уже хорошо извѣстный намъ Замость. *Дальше я не пойду*, такъ какъ о важнѣйшихъ городахъ и поселеніяхъ Червонорусскихъ съ лѣвой стороны Вепря (Люблинъ, Щебрешинъ) я исчерпалъ почти все мнѣ извѣстное“. — Въ изслѣдованіи Н. П. Барсова: „Географія Начальной (Несторовой) лѣтописи“, разсматриваемая мною страна вызываетъ только два слѣдующихъ замѣчанія: I) „...западная окраина Русскаго Славянства (читаемъ въ одномъ мѣстѣ) охватывала юго-западные склоны Карпатъ до самыхъ истоковъ Вилянскихъ притоковъ Дунайца и Вислока, за тѣмъ по этимъ рѣкамъ подходила къ южному побережью Вислы, шла вдоль его на востокъ до водораздѣла между Вепремъ и западнымъ Бугомъ; здѣсь поворачивала на сѣверъ, *почти русломъ Вепря* шла до устьевъ Нурца“ (стр. 76 по изд. 1885 г.). II) „...нѣтъ сомнѣнія, что и до XII вѣка Лядско-Волынскій рубежъ шелъ далѣе на сѣверо-западъ *или по Вепрю, или по водораздѣлу* между Вепремъ и Быстрицей, и отъ устья Быстрицы на с. в. по р. Влодавѣ къ Зап. Бугу, — между Люблинскою землею Ляховъ и Волынскою украиной...“ (стр. 120). Въ

Есть еще три-четыре географическихъ названія съ явственными указаніями на то, что здѣсь жили въ старину не поляки, а русскіе. На югъ отъ села Лопенника, на лѣвомъ берегу Вепря, расположено село *Стенжица*. Названіе его очевидно произошло отъ чисто-русскаго корня „тугъ“ (въ древне-русскомъ языкѣ: ТУГ): „туга, тужить, стужа, стужати, стужити“—вотъ какія чувства давнымъ давнихъ поселенцевъ его легли въ основаніе этого географическаго имени! Стенжицкія поля упоминаются и въ отмѣченной выше Лопенникской грамотѣ 1524 года. До 1691 года сія Стужица была деревней, издревле принадлежавшей къ Краспоставскому русскому приходу (ex antiquo ad ecclesiam Crasnostawiensem pertinens); а съ этого времени, — послѣ сооруженія самими стужичанами у себя церкви, при содѣйствіи владѣльца Михаила Потоцкаго, надѣлившаго вновь воздвигнутую церковь въ его имѣннй землею, десятиною и другими угодьями, — сталъ существовать Стенжицкій (конечно уже греко-уніатскій) приходъ¹⁾. Затѣмъ неподалеку впаденія Быстрицы въ Вепрь, тоже на лѣвомъ его берегу, находится село *Кіянн*, а тутъ же на югъ отъ него, на томъ же берегу, лежитъ деревня *Новгородъ*. Кіевляне въ лѣтописи зовутся именно *кіянами*. Напримѣръ, подъ 1176 годомъ записано: „Новгородцы изначала и Смолняне и *Кіяне* и Полочане, и вся власти, егда на вѣче сходятся, что старѣйшія здумаютъ, на томъ и пригороды стануть“. Холмская Русь—и въ вѣка древняго православія въ ней и во времена уніи—имѣла тѣсное нравственное общеніе съ Кіевомъ²⁾: вотъ и слѣдъ его въ Кіянахъ. Новгородъ, передѣланное изъ Новгорода или Новгорода, какъ извѣстно, есть любимое названіе русскихъ „городовъ“ въ старину. Въ настоящее время при-Вепрянскіе „новгородцы и кіяне“ — всѣ р.-католики, поляки, и нѣкоторымъ образомъ „господиномъ“ Новгорода состоятъ Кіянн: въ нихъ, а не въ немъ высится общій для тѣхъ и другихъ приходскій костель. Даже своего рода „пригородами“ здѣсь обзавелись онѣ: кромѣ села Кіяннъ, въ Кіянскомъ приходѣ есть двѣ деревни — „Кіянн близше и дальше“ (т. е. ближнія и дальнія), да третья—„Волька Кіянская новая“³⁾; а Новгородъ и доселѣ пребылъ въ единственномъ числѣ. Затѣмъ еще, на томъ же лѣвомъ берегу Вепря, въ селѣ Лан-

обоихъ замѣчаній значительно сокращается (во второмъ) въ широту, почти обходится (въ первомъ) Вепрянско-Быстрицкій „треугольникъ“.

¹⁾ Дарственная запись Михаила Потоцкаго и нѣсколько другихъ документовъ, относящихся къ Стенжицкой церкви, хранятся въ Холмскомъ братскомъ музеѣ въ особой связкѣ.

²⁾ Объ этомъ кое-что разъяснено въ процитованной выше моей статьѣ („Варш. Днев.“. 1888 г. №№ 163 и 164).

³⁾ Catalogus, str. 53.

цухахъ (сѣвернѣе Милеева) находится громаднѣйшій прудъ, въ нѣсколько сотъ „морговъ“¹⁾, и на немъ есть три острова: изъ нихъ одинъ называется *Галичъ*, а другой *Окопы* (третій безъ названія)²⁾.

Этотъ *окопавшійся* Галичъ закончить собою наши географическія справки о вѣрѣ и пародности изслѣдуемаго „треугольника“ Заверпянской Руси въ стародавнія времена: названія всѣхъ остальныхъ посадовъ, селъ и деревень или чисто-польскія, или общія обоимъ языкамъ. Изъ чисто-польскихъ географическихъ именъ нѣкоторыя, несомнѣнно, появились въ этой искони русской странѣ одновременно съ тѣми поселеніями, которыя ими называются, именномъ во времена и влѣдствіе польской здѣсь колонизаціи; а другія, съ такою же несомнѣнностью, замѣнили собою прежнія чисто-русскія наименованія по разнымъ причинамъ: по неурязки къ нимъ польской шляхты, изъ-за тщеславнаго желанія дать своему имѣнію имя самого владѣльца или такое, которое ему больше нравилось, особенно же по желанію владѣвшихъ ими помѣщиковъ - поляковъ уничтожить самую память о бывшемъ когда-то въ этихъ мѣстахъ православіи³⁾. Что такого рода измѣненія могли здѣсь быть, это доказывается параллельными имъ явленіями окрестъ: нынѣшній Пугачовъ или Пухачовъ въ первой половинѣ XVI вѣка звали (по польско-латинскому чтенію) *Мнишкою* Ланчною, т. е. „Мнишескою Лучною“⁴⁾; Горай назывался прежде Лядою (от. р. Ляды); село Бѣлое (по имени р. Бѣлой) переименовали въ 1640 году въ городъ Яновъ; Майданъ (одинъ изъ многочисленныхъ въ Холмской Руси) прозванъ въ 1726 г. Юзевомъ; Любартовъ до 1744 года звали Левартовымъ⁵⁾. Что дѣлалось кругомъ: на востокъ, югъ, западъ и сѣверъ изслѣдуемой страны, то несомнѣнно происходило и въ ней. Объ окружныхъ, сосѣднихъ замѣстителяхъ: Пухачовѣ, Горай, Яновѣ, Юзевѣ, Любартовѣ и многихъ другихъ⁶⁾, есть возможность знать только потому, что они были городами, а не деревнями:

¹⁾ *Morze* составляетъ $\frac{1}{30}$ часть уволоки и равняется 0,51248 русской десятины. Словарь древн. актов. языка, сост. Н. Горбачевскимъ, стр. 221.

²⁾ *Staroż. Pol.* III. 291.

³⁾ „Самое названіе поселеній, напоминавшихъ православіе, подвергалось измѣненіямъ”, утверждаетъ изслѣдователь „Червенскихъ городовъ”, А. Н. Лонгиновъ (стр. 75 и 76). Однимъ словомъ, въ Червенской Руси было тоже, велась та же польская политика, что и въ другихъ областяхъ Западной Россіи во времена польскаго надъ ними владычества....

⁴⁾ „Мнишескій” — старорусское прилагательное, отъ такого же существительнаго „мнихъ” (Академич. словарь. II. 647); а польскому существительному *mniach* отвѣчаетъ прилагательное *mniowski* (*Słownik* Бартошевича, стр. 391).

⁵⁾ *Staroż. Pol.* III. 281, 283, 290, 298, 316 и 317.

⁶⁾ Ихъ можно видѣть хотя бы въ той же *Staroż. Pol.*,

деревня или село при возведеніи ихъ въ чинъ и должность города переименовывались только съ разрѣшенія королевскаго, которое давалось въ особой нарочитой грамотѣ. Такого рода жалованная грамота сохранилась, и свѣдѣніе имѣется: пропала бы она и тѣ книги, въ которыхъ она была явлена, и не было бы возможности знать прежняго географическаго имени данной мѣстности, не имѣющаго часто ничего общаго съ нынѣшнимъ. Съ селеніями не на городскомъ положеніи переименованія совершались проще: пожелалъ всесильный въ Рѣчиносполитой магнатъ или даже полуразорившійся шляхтичъ меньшаго калибра, что такъ храбро кричалъ на сеймикахъ и на „Волѣ“ (подъ Варшавой), и являлись на свѣтъ Божій Жаба Воля (хотя бы двѣ), „Воля“ съ разными другими прилагательными эпитетами, Дзе-сѣнтка (по нашему пятачокъ), Яковице, Антоювка¹⁾ и т. д., и т. д. Но бывало и такъ: поселеніе переименовуютъ, а оно—какъ бы на зло своеволю — оставляетъ за собою свое прежнее названіе. Такъ вышло, между прочимъ, съ Быхавой, названной уже было въ грамотѣ короля Сигизмунда I хитрымъ именемъ *Klethne*, которое осталось только на бумагахъ²⁾. Не этой ли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, устойчивости географическихъ названій обязаны мы сохраненіемъ до нашего времени Праведниковъ, Попова, Галича? Такихъ тенденціозныхъ именъ, вѣтъ сомнѣнія, можно бы найти тамъ побольше, если бы нарочито за этимъ извѣдывать весь этотъ „треугольникъ“ вдоль и поперекъ, изучая названія холмовъ, урочищъ, источниковъ, ручьевъ, древнихъ городищъ, кургановъ, участковъ полей, луговъ, лѣсовъ, мѣсть, окруженныхъ остатками валовъ, вообще незаселенныхъ мѣстностей съ особыми наименованіями. Возможно ли это для частнаго лица, занятаго службою? Объ картѣ же такого рода пока очень смѣло даже мечтать. Но и на основаніи тѣхъ историческихъ и географическихъ данныхъ, которыя указаны, слѣдуетъ заключить: что въ 1531 году православный Милеевскій приходъ не былъ порубежнымъ, что сверхъ Милеева были тогда на изслѣдуемомъ пространствѣ другія православныя церкви, что стали быть онѣ—съ Милеевской включительно—гораздо раньше XVI вѣка, что весь „треугольникъ” между рр. Вепремъ и Быстрицею былъ тогда —

на другихъ страницахъ III-го тома и въ остальныхъ томахъ.

¹⁾ Выписываю для образца поселенія изслѣдуемой мною мѣстности.

²⁾ Весьма частыя переименованія селъ и деревень въ русекіхъ земляхъ Польши по случаю образованія новыхъ городовъ вовсе не вытекали изъ какой-либо юридической необходимости: село Черемники, напр., и послѣ 1509 года осталось городомъ Черемниками же (*Staroż. Polska* III. 283—284).

по господствующему народонаселению — русскимъ и православнымъ.

Такимъ же ономъ продолжалъ быть до конца XVI вѣка и даже въ первыя два-три десятилѣтїя XVII столѣтїя, когда люблинскому и красноставскому „горпиламъ” было не до православныхъ. Какъ велико было разстройство въ рядахъ черной папской арміи въ Люблинѣ, видно изъ того, что соцініане были въ немъ полными хозяевами до 1627 года: бригады куда-то улетучились, а про доминиканъ, бервардиновъ и конвенторіаловъ ни слуху—ни духу; въ то время, когда тѣ такъ прячутся, составляются торжественные соцініанско-кальвинскіе соборы съ другими протестантами; на публичные диспуты съ „еретиками” дерзаютъ выступать только вызванные на помощь въ отчаянномъ положеніи р.-католичества іезуиты — и совершенно безплодно; „религіозные реформаторы не устаютъ въ распространеніи”¹⁾. Люблинъ освободился отъ нихъ только въ 1627 году и одолѣлъ ихъ не силою нравственною, а страшнымъ насиліемъ; по наущенію іезуитовъ, они были обвинены въ сношеніяхъ съ трансильванскимъ княземъ Гаврииломъ Бетлемъ и шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ и, какъ мнимые измѣнники, жестоко наказаны, особенно главари ихъ; а іезуитскіе воспитанники произвели послѣ этого ужасное опустошеніе въ соцініанскихъ и евангелическихъ домахъ собранїя, напавши на нихъ среди бѣла дня, и среди такого же дня трибуналъ оправдалъ фанатизированныхъ опустошителей, а опустошенное навсегда зарыль. Люблинское же воеводство, въ лицѣ своей шляхты, „даже въ средѣ самыхъ знаменитыхъ фамилій”²⁾, продолжало волноваться вплоть до 1658 года въ борьбѣ съ р.-католичествомъ за свободу своихъ вѣровацій; но и здѣсь конецъ волненїямъ былъ положенъ не путемъ нравственнаго вліянія на отступниковъ отъ р.-католичества, а постановленіемъ въ этомъ году сейма, осудившимъ соцініанъ на изгнаніе изъ края подъ угрозою смерти. Только такое „сеімовое рѣшеніе (замѣчаетъ „Staroż. Pol.”) окончательно вытѣснило изъ Люблинскаго воеводства это ученіе, по крайней же мѣрѣ послѣдователей его”³⁾. Только съ этого времени отлегло отъ сердца у нап-

¹⁾ Свидѣтельство польскаго источника, относящееся къ положенію дѣла въ 20 годахъ XVII вѣка. Привожу его цѣликомъ: „Pomimo wszakże wielkiej reakcyi przez usiłowania iezuitow i pomnażające się zgromadzenia zakonne (объ этомъ чрезвычайно множеніи въ Люблинѣ монаховъ разныхъ орденовъ рѣчь впереди) sprawionej, reformatorowie religijni nieustawali w rozszerzaniu”. Staroż. Pol. III. 253.

²⁾ Ученики обоихъ Соціиновъ, называемые у польскихъ историковъ арианами, „mnożyli się w tej epoce mianowicie w Wojewodztwie Lubelskiem, w pośród znakomitych nawet rodzin”. Staroż. Pol. III. 246.

³⁾ Ibid. 255.

скаго (орденскаго и неорденскаго) воинства въ Люблинѣ, Красноставѣ и въ меньшихъ, второстепенныхъ р.-католическихъ центрахъ. Какъ велико было разстройство въ этихъ центрахъ, произведенное стойкостью въ своей вѣрѣ православныхъ и сильною пропагандою „религіозной реформы” въ нѣдрахъ самаго р.-католичества,—весьма нагляднымъ поясненіемъ можетъ служить то, что происходило до конца XVI вѣка въ Красноставѣ. Перенеся сюда свою кафедру, сами епископы больше ста лѣтъ проживаютъ въ деревенскомъ уединеніи, въ имѣнїи Кумовѣ, потомъ (для разнообразїя) зимуютъ еще въ Савинѣ (въ окрестностяхъ Холма¹⁾), а Красностава почему-то избѣгаютъ. Въ теченіе XVI вѣка ихъ перебивало на холмской кафедрѣ *пятнадцать* человекъ, и каждый хлопоталъ и мечталъ только о томъ, какъ бы перейти куда-нибудь въ другую епархію. Были и такіе кандидаты въ холмскіе р.-католическіе епископы, что отъ этой чести (очевидно, соловой) усерднѣе „отпиривались”²⁾. Про уснѣшную борьбу ихъ съ соцініанствомъ ровно ничего не слышно. Весьма извѣстенъ лишь случай обратнаго вліянія: знаменитый воослѣдствїи примасъ Яковъ Уханскій, будучи холмскимъ епископомъ (1551 — 1557 гг.), серьезно и не безъ основанїя заподозрѣнъ былъ Римомъ „въ сочувствїи ереси”³⁾. Въ епархіальномъ управленіи не было заведено самаго необходимаго: до конца XVI вѣка епархія эта не была раздѣлена на благочинїя („czego tu dotąd nie było”); ея „приходы не имѣли даже опредѣленныхъ постоянныхъ границъ” („gdy zaś parafie nie miały nawet stałego rozgraniczenia”); епархіальной семинаріи вовсе не было; въ епархіальномъ архивѣ не были собраны касающїяся епархіи „права и привилегїи”; кафедральные викаріи судили и рядили „только на основанїи обычаевъ и никакихъ опредѣленныхъ законовъ не имѣли” („tylko zwyczajami się rządzili, a stałych praw nie mieli”), такъ какъ никакой письменной инструкціи для нихъ доселѣ не существовало; наконецъ, кафедральныхъ викаріевъ и въ Красноставѣ, и въ Замостьѣ было меньше половины числа, положеннаго по штату. Такого рода вопиство, — безъ присмотра начальства, безъ уставовъ и дисциплины,—могло только мародерствовать, но никакъ не вести правильной осады крѣпостей. Мародерство его сказалось въ самомъ Красноставѣ въ тѣхъ притѣвленїяхъ, какимъ во все продолженіе XVI вѣка подвергались тамъ православные мѣщане отъ р.-католическихъ мѣщанъ, захватившихъ въ свои руки магистратское управленіе, всѣ ремесленные цехи и

¹⁾ str. 244.

²⁾ str. 242.

³⁾ Чистовичъ. Очеркъ истор. з. р. церкви, стр. 87 и 100.

⁴⁾ Enc. Kośc. III, 245.

продолжавшихъ свой жестокий гнетъ, несмотря на декреты короля Сигизмунда I¹⁾. Въ томъ же Красноставѣ и въ XVI вѣкѣ достаточно обнаружилось и безсиліе сего гарнизона: въ 1542 году, на его глазахъ и на самомъ видномъ мѣстѣ („въ томъ участкѣ, гдѣ расположенъ королевскій дворъ“), сооружается вторая въ городѣ православная церковь, именно св. Троицы, и при ней открывается новый православный приходъ, сверхъ прежняго св. Параскевѣевскаго²⁾, а съ 1566 г. въ Холмѣ епископствуетъ „уроженецъ Красностава“ (origindus Krasnostavia) Захарія (въ мірѣ „Зенко,“ т. е. Зеновій) Ильяшевичъ, выхлопотавшій у короля Сигизмунда Августа подтвержденіе для своей епархіи извѣстной льготной для русскаго духовенства грамоты короля Владислава Ягайловича отъ 1443 года³⁾.

Когда дѣла р.-католической въ русскихъ земляхъ пропаганды обстояли такъ неблагополучно, на помощь ей является въ концѣ XVI вѣка новая вражья сила оповѣстившая себя и извѣстная въ исторіи подъ именемъ *унии*.

(Продолженіе будетъ).

Священникъ Александръ Будиловичъ.

Сравнительныя достоинства вокальной и инструментальной музыки въ примѣненіи къ христіанскому богослуженію.

(Окончаніе).

Въ заключеніе нашего разсужденія о сравнительномъ достоинствѣ пѣнія и музыки считаемъ вполнѣ умѣстнымъ коснуться вопроса о пѣнии въ нашей духовной періодической печати. Въ ней въ послѣднее время часто стали появляться статьи и замѣтки относительно церковнаго пѣнія. Въ общей массѣ содержанія этихъ статей мы усматриваемъ два главныхъ взгляда и направленія мыслей, вкругъ которыхъ концентрируется все содержаніе литературы по вопросу о пѣнии. Предметомъ весьма многихъ статей служитъ вопросъ о мѣрахъ и проектахъ къ улучшенію церковнаго пѣнія. Другой предметъ—это необходимость ввести въ наши церкви древній, величавый церковный напѣвъ, который имѣетъ солидное преимущество предъ партеснымъ, итальянскимъ пѣніемъ, потому что „высшее достоинство церковнаго пѣнія не въ томъ, чтобы оно было партесное, а въ томъ, чтобы оно было благоговѣйное и выразительное

и въ предстоящихъ всегда возбуждало бы чувства святыхъ и благочестивыхъ¹⁶⁶⁾”.

Наше общественное богослуженіе есть торжественная и публичная проповѣдь, дѣйствующая на слушателя своимъ величіемъ и плѣняющая не только сердце, но и всѣ силы души слушателя. Богослуженіе, будучи само по себѣ прекраснымъ, полнымъ гармоніи и священной поэзіи и нагляднымъ выраженіемъ христіанскаго вѣроученія и правоученія, должно бы производить неотразимое вліяніе на душу христіанина и наполнять его сердце священнымъ восторгомъ. Но оно производитъ подобное дѣйствіе только тогда, когда всѣ его части и преимущественно пѣніе поставлены надлежащимъ образомъ. „Не смотря на высокомудрую постановку круга церковнаго богослуженія, на изобиліе практически-просвѣтительныхъ руководствъ при богослуженіи, на вѣковѣчность его, на весьма частое повтореніе одного и того же богослужебнаго обряда, на любовь народа къ богослуженію, выражающуюся въ посѣщеніи храмовъ Божіихъ въ праздничные дни, богослуженіе, говорятъ Самарскія Еп. В., все таки, надо сознаться, далеко не вноситъ въ среду народа надлежащей благотворности¹⁶⁷⁾“. Равнымъ образомъ и въ Волинск. Еп. Вѣд., въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Общественное пѣніе при богослуженіи въ сельскихъ церквахъ“ проводится та мысль, что наше общественное богослуженіе, въ особенности въ сельскихъ церквахъ, страдаетъ недугомъ раздвоенія церкви и молящихся, ибо простолудинъ относится совсѣмъ безучастно къ тому, что читается въ храмѣ и что поется. Такимъ безучастнымъ отношеніемъ нашихъ крестьянъ къ церковному богослуженію объясняется то обстоятельство, что они въ церкви, вмѣсто душевной улады, чувствуютъ усталость и утомленіе, а также и то явленіе, что простой народъ, не находя въ церкви надлежащаго удовлетворенія своей существенной потребности изліянія религіознаго чувства, цѣлыми толпами переходитъ въ разныя религіозныя секты¹⁶⁸⁾.

Спрашивается, гдѣ же причина такого ненормальнаго явленія при общественномъ богослуженіи? Гдѣ причина того, что христіанское богослуженіе, столь богатое красотой, глубиной содержанія и высокою поэзією, столь любимое православнымъ народомъ, не достаточно привлекаетъ его къ себѣ? По-нятно само собою, что причина такого грустнаго явленія заключается не въ церкви, не въ церковномъ богослуженіи, прекрасномъ самомъ по себѣ, и не въ

¹⁶⁶⁾ Стр. 165. Орловск. Е. В. № 5. 1865 года.

¹⁶⁷⁾ Стр. 375. „Нѣсколько соображеній къ улучшенію церковнаго чтенія и пѣнія“. Священ. Григорій Орлова. Самарск. Е. В. № 24. 1880 г.

¹⁶⁸⁾ Стр. 634—636. „Общественное пѣніе при богослуженіи въ сельскихъ церквахъ“. Дмитрія Полянскаго. Волинск. Е. В. № 19. 1881 года.

¹⁾ „Червен. города“ Лонгинова, стр. 309—311.

²⁾ Тамъ же, стр. 303—305.—Star. Pol. II. 950.

³⁾ „Холм. епархія“, Петрушевича, стр. 36.—„Холм. Варш. епарх. вѣст.“ 1886 г. стр. 95.

народѣ—любителѣ церкви и ея службъ, а въ характерѣ отправления богослуженія, между прочимъ въ нестройномъ, душу подавляющемъ пѣніи при богослуженіи¹⁶⁹⁾. Слѣдовательно, ненормальность нашего церковнаго пѣнія—вотъ камень претканиа для правильнаго и надлежащаго благотворнаго вліянія нашего богослуженія на души молящихся.

Дѣйствительно, весьма многія статьи, трактующія о церковномъ пѣніи, наполнены обличеніями того жалкаго положенія, въ какомъ оно нынѣ находится въ нашихъ сельскихъ церквахъ. Укажемъ нѣкоторые только духовные органы печати, гдѣ авторы каждой статьи сѣтуютъ и горько жалуется на неудовлетворительность нашего церковнаго пѣнія. Вотъ эти органы: Руководство для сельск. паст.¹⁷⁰⁾, Московск. Церк. Вѣд.¹⁷¹⁾, Подольск. Еп. Вѣд.¹⁷²⁾, Воронеж. Е. В.¹⁷³⁾, Оренбур. Е. Вѣд.¹⁷⁴⁾, Тульск. Е. Вѣд.¹⁷⁵⁾.

Чтобы христіанскій храмъ и богослуженіе, въ немъ совершаемое, имѣли то высокое значеніе въ религіозно-нравственной жизни народа, чтобы они стали школою для христіанскаго мышленія и чувства, необходимо устранить причину того безотраднaго явленія, по которому христіанское богослуженіе часто остается безъ оживляющаго вліянія на душу народа, на его умъ и чувства. Причина же такого явленія коренится въ небрежномъ, поспѣшномъ и невразумительномъ пѣніи.

Во Франціи, Бельгіи, Германіи, читаемъ мы въ статьѣ князя В. Одоевскаго: „Къ дѣлу о церковномъ пѣніи“, ученые и благочестивые люди сильно взволнованы бѣдственнымъ направленіемъ церковной музыки. Они стараются удержать этотъ потокъ ученою разработкою пѣснопѣвья и всего болѣе возобновленіемъ памятниковъ древняго западнаго пѣнія¹⁷⁶⁾. Само собою понятно, что и у насъ должно позаботиться и принять надлежащія мѣры къ тому, чтобы поставить церковное пѣніе на благоприятную почву развитія и совершенства.

Для того, чтобы поставить наше церковное пѣніе на надлежащую ступень его развитія, возвысить его

до степени благотворнаго вліянія на религіозно-нравственный горизонтъ жизни нашего народа, для этого рекомендуются и предлагаются такія мѣры.

Такъ какъ инициатива сего дѣла въ сельскихъ приходоухъ принадлежитъ священнику—главѣ прихода, обязанному заботиться о возвышеніи пѣнія до уровня благотворнаго его воздѣйствія на духовную сторону прихожанъ, то необходимо, чтобы прежде всего священники были знатоки своего дѣла, были обучены церковному пѣнію и знали его. Новый уставъ духовныхъ училищъ поставилъ пѣніе въ числѣ предметовъ, входящихъ въ программу духовнаго образованія. Можно надѣяться, что этотъ пунктъ устава найдетъ себѣ серьезное и практическое приложеніе въ жизни духовныхъ вертоградовъ, слѣдствіемъ чего, несомнѣнно, будетъ улучшеніе нашего церковнаго пѣнія.

Въ сельскихъ церквахъ, чтобы пѣніе дѣйствительно производило свое дѣйствіе на душу слушателя, необходимо озаботиться устройствомъ хора при каждой приходской церкви. Значитъ, настоятелямъ церквей нужно стараться, чтобы при нихъ непременно былъ хоръ, состоящій изъ нѣсколькихъ пѣвцовъ. Въ этихъ видахъ очень желательно, чтобы при сельскихъ церквахъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ и вліяніемъ священника или учителя народной школы, образовывались изъ крестьянъ мѣстные хоры пѣвчихъ. Такимъ образомъ церковное сельское пѣніе можетъ улучшиться чрезъ образованіе хоровъ изъ крестьянскихъ школьничковъ. Будучи образованы методически, они много облегчали бы псаломщиковъ въ пѣніи при совершеніи богослуженія. Въ нѣкоторыхъ селахъ существуютъ подобныя хоры и производятъ самое доброе вліяніе. Но могутъ, безспорно, сказать, что всего этого трудно достигнуть. Понятно, что не легко. Но нужно помнить, что безъ труда нельзя и ничего достигнуть. Кто задается какою-нибудь цѣлю, тотъ не долженъ страшиться труда. А чего не можно сдѣлать при искреннемъ желаніи и умѣннн взяться за дѣло? Но какъ бы хорошо было, еслибы во всѣхъ сельскихъ школахъ церковное пѣніе было преподаваемо знатоками искусства и составляло обязательный предметъ преподаванія! И мы уже видимъ, что издаются циркулярныя предписанія о томъ, чтобы при народныхъ школахъ организовались пѣвческіе хоры, которые бы пѣли въ мѣстной церкви. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно циркулярное предложеніе директора народныхъ училищъ Э. Соловьева народнымъ училищамъ Бессарабской губерніи, одобренное Преосв. Павломъ, бывшимъ Арх. Кишиневскимъ и Хотинскимъ¹⁷⁷⁾.

¹⁶⁹⁾ Стр. 323. Подольск. Е. Вѣд. № 26. 1882 года.

¹⁷⁰⁾ Стр. 595 № 33. 1865.—Стр. 150—152; 161—162. № 40. 1864.

¹⁷¹⁾ Стр. 487. 488. № 36-й. 1881 года.—Стр. 252. № 18-й. *ibid.*

¹⁷²⁾ Стр. 164 и 165. № 4. 1878 года.—*Ibid.* № 10. Стр. 367.—1881 года. № 52. Стр. 615,—*Ibid.* № 33. Стр. 402.—1882 года. Стр. 24. № 2.

¹⁷³⁾ № 2. 1867 года. Стр. 40.

¹⁷⁴⁾ Стр. 352. 353. № 10. 1885. „Иноепархіяльныя Вѣдомости. Записка. о церковномъ пѣніи“ Д. Соловьева.

¹⁷⁵⁾ „Замѣтки о церковномъ пѣніи“ Н. Моригеровскаго. Стр. 355. Прибавл. къ Тульск. Е. Вѣд. № 10. 1873 года.

¹⁷⁶⁾ Стр. 669. Домашняя бесѣда. Годъ IX. Выпускъ 28. Юля 9. 1866.

¹⁷⁷⁾ Церковн. Вѣстн. № 40. 1876. Стр. 16.—Сн. Стр. 18 и 19. Руков. для сел. паст. № 1. 1877 года.

Постановка церковнаго пѣнія въ ненормальныя условія его исполненія очень неблагопріятно дѣйствуетъ въ религіозномъ, нравственномъ и народномъ отношеніяхъ въ нашемъ юго-западномъ краѣ, гдѣ наше православное сельское населеніе находится въ соприкосновеніи съ католиками. Дѣйствительно, въ югозападномъ краѣ православные христіане увлекаются въ костелы органомъ, который, конечно, можетъ конкурировать съ безголосымъ сельскимъ псаломщикомъ. Посему усердіе и заботливость объ улучшеніи церковнаго пѣнія, говоритъ И. Экземплярскій, должны быть усиленнѣе особенно въ этомъ краѣ, гдѣ для народа, если онъ только не удовлетворяется церковнымъ пѣніемъ, при его столкновеніи съ сосѣдями римскаго вѣроисповѣданія, всегда готова приманка въ мѣстныхъ костелахъ—пріятный звукъ органовъ¹⁷⁸⁾. Вотъ почему бывшій въ Подол. епархіи Преосв. Маркеллъ для прекращенія посѣщеній костеловъ православными совѣтовалъ приходскимъ священникамъ завести при церквяхъ хоры изъ мальчиковъ, и тогда стройное пѣніе хоровъ удовлетворитъ прихожанъ и для нихъ не будетъ привлекателенъ костельный органъ¹⁷⁹⁾.

Отвѣчая на вопросъ о причинахъ того безотраднанаго явленія, по которому церковное богослуженіе не вноситъ въ среду народа надлежащей благотворности, Самар. Е. Вѣд. говорятъ, что одною изъ первыхъ причинъ этого явленія служить тотъ неудовлетворительный способъ отправления богослуженія, который вкрался и установился у насъ временемъ почти вездѣ: пѣніе нестройное и неискusstное настолько, что не согласно ни съ какими правилами музыки. И что касается пѣнія, то въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ даются слѣдующіе совѣты: 1) пріобрѣсть въ каждую церковь руководства къ 4-хъ голосному пѣнію; 2) взять болѣе способному члену причта нѣсколько уроковъ отъ знающаго дѣло пѣнія, и привлекать въ тоже время къ участию въ пѣніи учениковъ сельской школы; 3) учредить на каждое благочиніе должность руководителя пѣнія, и 4) увеличить окладъ жалованья учителю пѣнія при духовныхъ училищахъ¹⁸⁰⁾.

Въ Саратовск. Е. В., въ ст. „О церковномъ пѣніи въ сельскихъ церквяхъ“ о благотворномъ вліяніи участія въ церковномъ пѣніи самихъ прихожанъ говорится слѣдующее: „въ приходѣ моемъ, говоритъ авторъ-сельскій священникъ, вотъ уже 14 лѣтъ поютъ на клиросѣ мальчики; нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ быть уже съ бородами, познакомились и съ уставомъ, и съ церковнымъ напѣвомъ настолько, что управляютъ на клиросѣ, въ какой бы то ни было

праздникъ, безъ псаломщика, а послѣдній поетъ съ своими пѣвцами на лѣвомъ клиросѣ. Каковъ же результатъ? Въ церковь стало ходить народу много больше, народъ сталъ слишкомъ православнѣе. Со-вращеній въ расколъ, можно сказать, нѣтъ. Массовое пѣніе, особенно сравнительно стройное, несравненно пріятнѣе слушать, чѣмъ жужжаніе какого-нибудь старичка-псаломщика. Нужно посмотреть на удовольствіе отца, матери, дѣда, бабушки, когда ихъ дѣти и внуки поютъ въ храмѣ Божіемъ и особенно когда поютъ что-нибудь стройное и тихое. Какъ же послѣ этого крестьянину не полюбитъ святой храмъ Божій, гдѣ стройное пѣніе и притомъ пѣніе его же дѣтей даетъ ему истинное наслажденіе“. Далѣе рекомендуются въ общемъ почти тѣже совѣты относительно улучшенія пѣнія, какіе мы читали въ Самарскихъ Еп. Вѣд.¹⁸¹⁾.

Кромѣ совѣтовъ частныхъ лицъ, мы встрѣчаемъ и официальныя мѣропріятія, направленныя къ улучшенію церковнаго пѣнія.

Такъ, Полоцкое еп. начальство, читаемъ мы въ Харьков. Е. В., принимая во вниманіе, что почти при каждой церквѣ въ епархіи имѣются народныя училища, въ которыхъ законоучителями—приходскіе священники, обязанные, кромѣ обученія мальчиковъ Закону Божію, приготавливать ихъ къ клиросному чтенію и пѣнію, къ чему должны способствовать имъ и псаломщики, для собственной же пользы, на случай болѣзни ихъ или отлучки, дабы не было остановки въ богослуженіи,—поставило вмѣнить въ непремѣнную обязанность причтамъ церквей Полоцкой епархіи, чтобы они озаботились обученіемъ учащихъся въ народныхъ училищахъ мальчиковъ клиросному чтенію и пѣнію, дабы послѣдніе, на случай болѣзни или отсутствія псаломщиковъ, могли исполнить за нихъ обязанности по совершенію богослуженія¹⁸²⁾.

Въ Харьковскихъ Е. Вѣд., напечатано было слѣдующее распоряженіе епарх. начальства относительно мѣръ по улучшенію церковнаго чтенія и пѣнія: 1) „предложить отъ имени Преосв. Правленію Харьк. семинаріи, какъ кандидаты на мѣста псаломщиковъ, изучали церковное пѣніе настолько, чтобы впослѣдствіи, состоя псаломщиками или народными сельскими учителями, могли устроить церковныя хоры и управлять оными; 2) отнести также и къ предсѣдателямъ Харьк. губер. земской управы и губерн. училищнаго совѣта о томъ, чтобы учителямъ сельскихъ училищъ было вмѣнено въ обязанность званіе церковнаго пѣнія и устройства хоровъ изъ учащихся въ училищахъ дѣтей; 3) предписать священно-служителямъ епархіи строго наблюдать, чтобы причетники

¹⁷⁸⁾ Стр. 164—165. Руководство для сельскихъ пастырей. № 40. 1864.

¹⁷⁹⁾ Подол. Е. В. № 3. 1880 года. Стр. 29.

¹⁸⁰⁾ Стр. 375, 382. Самарск. Е. В. № 24. 1880.

¹⁸¹⁾ Стр. 344 и 345. Подол. Е. В. № 27—28. 1882 года.

¹⁸²⁾ Стр. 41. Харьк. Е. В. № 13. 1879 года.

приложили стараніе къ усовершенствованію себя въ чтеніи при богослуженіяхъ такъ, чтобы чтеніе это было громко, отчетливо и разумно, а благочиннымъ предписать, чтобы способность къ чтенію и пѣнію причетниковъ всегда справедливо обозначалась въ ихъ формулярныхъ спискахъ; о неспособныхъ же или нерадивыхъ причетникахъ они обязываются доносить особо Его Преосвященству; 4) наблюдать, чтобы штатныя мѣста псаломщиковъ оставались за лицами, преобладающими не одною только продолжительностію службы, но и способностію къ своимъ обязанностямъ¹⁸³⁾.

Органы нашей духовной печати обращаютъ также вниманіе на введеніе въ церковь общаго пѣнія всѣхъ прихожанъ. Такъ, въ Рук. для сел. паст. авторъ статьи: „Нѣсколько средствъ къ наученію прихожанъ молитвамъ“ пишетъ слѣдующее: „чтобы расположить прихожанъ къ изученію необходимыхъ молитвъ, было бы совершенно излишнимъ дозволить имъ участвовать въ пѣніи общеупотребительныхъ молитвъ за церковной службой. Кажется, не было бы ничего предосудительнаго въ томъ, если бы нашлись (а такихъ, конечно, оказалось бы не мало) желающіе пропѣть въ церкви какую-либо общеупотребительную молитву, напр. „Отче нашъ“ или „Богородице Дѣво, радуйся“, и исполнили это пѣніе посреди церкви общимъ хоромъ и подъ руководствомъ псаломщика. Само собою разумѣется, чтобы это общее пѣніе не было козлогласованіемъ или безчиннымъ воплемъ, необходимо заявить, чтобы желающіе участвовать въ церковно-богослужебномъ пѣніи молитвъ предварительно ходили по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ школу и тамъ до обѣдни подъ руководствомъ сельскаго учителя или псаломщика учились бы какъ самымъ молитвамъ, такъ и пѣнію ихъ. Еслибы такой порядокъ заведенъ былъ въ приходскихъ сельскихъ церквахъ, то и богослуженіе было бы привлекательнѣе для прихожанъ, и въ средѣ послѣднихъ явилось бы сильное соревнованіе какъ къ изученію текста молитвъ, такъ и къ пѣнію ихъ¹⁸⁴⁾“.

Другая сторона въ литературѣ вопроса о церковномъ пѣніи состоитъ въ потребности „очистить церковное пѣніе отъ разныхъ прибавленій¹⁸⁵⁾, потому что „къ сожалѣнію, древле-церковный напѣвъ, можно сказать, теряетъ свой характеръ, свою невыразимую прелесть“. Въ наше время регенты хоровъ, какъ это можно замѣчать въ городскихъ церквахъ, желаютъ болѣе удивлять слушателей партеснымъ,

итальянскимъ пѣніемъ, нежели трогать сердца благоговѣйною словесною мелодіею; теперь въ городскихъ церквахъ замѣтно предпочтеніе, оказываемое нашими хорами разнымъ концертамъ и другимъ пѣснопѣніямъ съ преобладаніемъ итальянской мелодіи, предъ нашимъ величавымъ древнимъ православно-русскимъ напѣвомъ.

Знаючи церковнаго пѣнія, а за ними и многіе духовные органы печати сильно встревожены такимъ направленіемъ церковнаго пѣнія, которое уклонилось отъ своего первоначальнаго типа и усвоило форму напыщенности и искусственности. Какъ гѣ, такъ и другіе очень высоко цѣнятъ древній напѣвъ, потому что простая и приличная гармонія его производитъ умирительное дѣйствіе на душу молящихся. А Львовъ такъ отзывается объ этомъ пѣніи: „напѣвы древніе и напѣвы новѣйшаго времени совершенно различны между собою какъ по составу и характеру мелодій, такъ и по ритму и вообще по законамъ, на основаніи которыхъ они сочинены. Я не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ о древнемъ нашемъ церковномъ пѣніи, имѣющемъ особенный и ему одному свойственный характеръ. Для человѣка, не понимающаго цѣли пѣнія молитвъ и обращающаго главное вниманіе на самое пѣніе, простые древніе напѣвы покажутся неудовлетворительными, потому что въ нихъ не найдетъ онъ существенныхъ условій, которыя мы привыкли считать за необходимость, т. е. однообразнаго размѣра и ритма. Напротивъ, кто разумѣетъ важность молитвы и внимательно слѣдитъ во время пѣнія за словами ея, тотъ не можетъ не ощущать великаго наслажденія, слыша ее въ сопровожденіи простой и приличной гармоніи, при исполненіи которой всѣ голоса произносятъ рѣчь въ одно время. Ни трели, ни рулады, ни другіе какіе-либо вычурны не должны украшать церковнаго пѣнія, въ простыхъ и чистыхъ звукахъ котораго возносится молитва вмѣстѣ съ оумианомъ къ престолу Всевышняго. Языкъ молитвъ нашихъ имѣетъ особенный характеръ: ему долженъ соответствовать и характеръ пѣнія. Многіе сочинители хотѣли подчинить нѣкоторые древніе напѣвы правильному размѣру и опредѣленнымъ тактамъ; конечно, вслѣдствіе этого выходило пѣніе, удовлетворяющее привычнымъ законамъ музыкальнаго ритма, но пѣніе отрѣшалось отъ молитвы и тѣсная связь между словомъ и пѣніемъ разрушалась¹⁸⁶⁾“.

Такое неразборчивое и произвольное подражаніе партесному пѣнію, выходящему иногда за предѣлы церковной благопристойности, побуждало Высочайшую волю нашихъ Монарховъ ограничивать произволь въ щегольствѣ итальянскимъ пѣніемъ и требо-

¹⁸³⁾ Московскія Еп. Вѣдом. Стр. 563 и 564. № 44-й. 2 ноября 1889 года.

¹⁸⁴⁾ Руковод. для сельск. паст. Стр. 110. № 21. 1879 года.

¹⁸⁵⁾ Стр. 43. „О церковномъ пѣніи“. Свящ. І. К-на. Прибавл. къ Воронежскимъ Еп. Вѣд. № 2. 1867 года. Января 15.

¹⁸⁶⁾ О свободномъ или несимметричномъ ритмѣ. А. Львова. С.-Пб. 1858 Стр. 1, 12 и 13.

вать, чтобы въ церквахъ употреблялось то пѣніе, которое „волшебною силою особой красоты своею питаетъ и цѣлитъ сердца наши, мірскими страстями и суетностью разслабленныя“¹⁸⁷⁾, т. е. древній напѣвъ.

Такъ, Императоръ Павелъ 1-й повелѣлъ никакихъ выдуманныхъ стиховъ въ церковномъ пѣніи не употреблять и вмѣсто концертовъ пѣть или приличный псаломъ, или обыкновенный канонникъ. Императоръ Александръ 1-й, примѣтивъ неограниченную свободу итальянскаго пѣнія, водворившагося въ нашу церковь, а также и то, что старинное наше священное пѣніе оставалось, такъ сказать, безъ призрѣнія и въ лучшее положеніе не приводилось, подалъ примѣръ разительный и, отмѣнивъ въ придворной церкви концерты, повелѣлъ употреблять единственно простое древнее пѣніе. Императоръ Николай Павловичъ соизволилъ повелѣть, чтобы древнее священное пѣніе, изданное въ обиходахъ, переложить по правиламъ гармоніи на четыре голоса, не допуская ни малѣйшаго измѣненія въ коренной мысли, и съ одобренія Святѣйшаго Синода и Высочайшей воли издавать оное въ свѣтъ. Императоръ Александръ II-й также подтвердилъ указъ Св. Синода, отъ 20-го августа 1852 года, о томъ, „чтобы во избѣжаніе народнаго соблазна не были отнюдь пѣты въ церквахъ такія переложенія церковныхъ пѣснопѣній, которыя не одобрены Св. Синодомъ, и чтобы виновные въ неисполненіи этого регенты подвергаемы были строжайшему взысканію и удаленію отъ сихъ должностей“.

Упомянемъ здѣсь также и о томъ, что основанное въ Москвѣ въ очень недавнее время, по инициативѣ Пресв. Амвросія и Алексія, тогдашнихъ викаріевъ Московскихъ, общество любителей церковнаго пѣнія поставило своимъ девизомъ: „сохранять отъ искаженій наши церковные напѣвы и возможно улучшить церковное пѣніе, какъ очищеніемъ и возстановленіемъ церковныхъ напѣвовъ, такъ и образцовымъ исполненіемъ ихъ“¹⁸⁸⁾,

Иннокентій Долматскій.

Историко-статистическое описаніе Волоско-вольскаго прихода, Влодавскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.

О древнѣйшемъ существованіи православной церкви въ с. Волосковолѣ дошли до насъ самыя скудныя свѣдѣнія. Преданіе говоритъ, что прежняя

церковь построена была на старомъ, нынѣ закрытомъ городскомъ кладбищѣ, находящемся въ урочищѣ „Пески“, гдѣ еще въ настоящее время можно видѣть нѣсколько усадебъ малоземельныхъ крестьянъ. Этотъ храмъ сгорѣлъ въ одно воскресенье, неизвѣстно какого года, въ то время, когда прихожане отравились съ крестнымъ ходомъ въ село Бруссы для освященія полей. Изъ сгорѣвшей церкви до нашихъ дней остались евангеліе и крестъ, надо полагать, тѣ самыя, которые взяты были изъ церкви для упомянутаго крестнаго хода. Колокольни при старой церкви не было, колокола помѣщались на большой липѣ, уцѣлѣвшей отъ пожара и оставшейся единственною безмолвною свидѣтельницею бывшаго церковнаго госта.

На мѣсто сгорѣвшей церкви, должно быть, построена была временная часовня для совершенія богослуженія. Въ инвентарной описи Волосковольскаго церковнаго имущества, отъ 13 сентября 1815 года, объ этой часовнѣ сказано слѣдующее: „деревянная часовня, построенная послѣ пожара церкви, совсѣмъ обветшала, стѣны перегнили и крыша протекаетъ, и потому слѣдуетъ немедленно ее закрыть. Ограда вокругъ этой часовни, частью изъ брусевъ, частью изъ плетня устроенная, обрушилась; колокольня, помѣщающаяся надъ часовней, не менѣе обветшала. Внутри часовни нѣтъ алтаря, есть только простой престолъ изъ бѣлаго сосноваго дерева, за которымъ къ стѣнѣ прибита икона Божіей Матери. На престолѣ помѣщается старый, деревянный циборій, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перегризенный мышами“. Изъ этой замѣтки видно, что со времени пожара церкви до 1815 года прошло довольно времени. Когда построена была первая православная церковь въ с. Волосковолѣ—неизвѣстно. Самое древнее свидѣтельство, говорящее о существованіи церкви въ Волосковолѣ, относится къ началу XVIII столѣтія, именно въ визитахъ и инвентаряхъ говорится, что 9 октября 1705 года Ѳома и Аполлонія Андреевскіе — Дыткии пожертвовали въ Волосковольскую церковь 100 золотыхъ польскихъ, проценты отъ которыхъ должны идти въ вознагражденіе настоятелю, обязанному вышеупомянутою записью служить ежегодно по субботамъ молебень съ акаѳистомъ къ Пресв. Богородицѣ.

Въ 1818 году съ благословенія Холмскаго епископа Фердинанда Цѣхановскаго и на добротныя пожертвованія прихожанъ и коллятора помѣщика отстроены были въ Волосковолѣ новый храмъ, который въ инвентарной описи церковнаго имущества, отъ 1821 года, описанъ такимъ образомъ: церковь во имя Архангела Михаила новая, построенная изъ деревянныхъ брусевъ, имѣетъ въ длину 12 и въ ширину 4 1/2 сажень, покрыта гонтовой крышей объ одномъ куполѣ, завершенномъ желѣзнымъ крестомъ. Входитъ въ церковь съ западной стороны по деревян-

¹⁸⁷⁾ Стр. 41 и 42. О пѣніи въ Россіи. С.-Пб. 1834.

¹⁸⁸⁾ Стр. 14. Церковный Вѣстникъ. № 49. 1879. и стр. 17. № 46 *ibid.*

вымъ ступенькамъ съ поручнями чрезъ двустворчатую входную дверь въ притворъ, откуда въ среднюю часть храма ведутъ трое дверей: среднія стеклянная двустворчатая и двое боковыхъ, одностворчатыхъ. Надъ притворомъ помѣщаются съ балюстрадой хоры, поддерживаемые четырьмя столбами. Окна въ церкви семь; полъ досчатый, скамеекъ для сидѣнія шесть: по одной сторонѣ три, и по другой три; по обѣимъ сторонамъ церкви находятся по одной исповѣдной. Боковыхъ престоловъ два: надъ однимъ икона Рожанцовой Божіей Матери, надъ другимъ икона Св. Іосифа, держащаго на рукѣ Иисуса Христа. По лѣвой сторонѣ, подлѣ двери, ведущей въ ризницу, помѣщается прекрасно отдѣланный амвонъ подъ навѣсомъ; такой же точно навѣсъ прикрѣпленъ къ противоположной амвону стѣнѣ и устроенъ надъ предполагавшейся тамъ крещальней. Средняя часть храма отдѣлена отъ алтарной деревянною рѣшеткою, покрашеною въ зеленый цвѣтъ. Въ алтарной части храма помѣщается разукрашенный золотомъ престолъ, имѣющій видъ полукруга; за престоломъ помѣщается икона Божіей Матери, держащей на рукѣ Младенца Иисуса. По лѣвой сторонѣ алтаря помѣщается ризница, откуда по лѣстницѣ сдѣланъ ходъ на амвонъ, по правой-же сторонѣ алтаря—комнатка, величиною въ ризницу, для склада церковныхъ вещей. Вся церковь построена на каменномъ фундаментѣ.

Въ 1845 году, при починкѣ церкви, устроенъ былъ на правительственныя деньги иконостасъ и церковь обнесена деревянною оградой; четыре года спустя, въ 1849 году, на хорахъ Волосковольской церкви помѣщены органы, приобрѣтенныя на счетъ прихожанъ и существовавшіе въ церкви до 1867 года. Въ 1880 году церковь была починена на счетъ казны и внутри перестроена по восточному обряду, а именно: устранены изъ церкви боковые престолы и амвонъ; уставлены новые—престолъ, жертвенникъ и два аналоя; въ алтарѣ уложенъ новый полъ, нѣсколько возвышенный противъ остальной части храма; вокругъ солей устроена рѣшетка; сдѣлано 9 новыхъ окопъ; потолокъ настланъ досками и вмѣстѣ съ внутренними стѣнами и иконостасомъ покрашенъ масляною краскою, снаружи церковь обшита досками; четыре отверстія въ куполѣ задѣланы на глухо и весь куполъ покрытъ англійскою жестию. На всѣ эти работы отпущено правительствомъ 660 р. 36 к. и онѣ произведены хозяйственнымъ образомъ мѣстными прихожанами подъ непосредственнымъ наблюдениемъ настоятеля свящ. А. Телиховскаго. Въ 1885 году церковь обнесена новою деревянною оградой. Въ такомъ видѣ существуетъ она и до настоящаго времени. Внутренняя площадь храма заключаетъ въ себѣ 32 кв. сажени, алтарная же часть 10 сажень. На горнемъ мѣстѣ помѣщена икона—копія Холмской чудотворной иконы Божіей Матери. На

царскихъ дверяхъ, украшенныхъ рѣзбою, находятся изображенія Божіей Матери и Арх. Гавріила, по правой сторонѣ царскихъ вратъ—икона Спасителя благословляющаго и далѣе икона Св. Козьмы и въ кіотѣ храмовая икона Св. Архистратига Михаила; по лѣвой сторонѣ царскихъ вратъ помѣщены иконы Божіей Матери, держащей на правой рукѣ Младенца Иисуса, икона Св. Георгія и далѣе лѣвѣе въ кіотѣ икона Божіей Матери. Надъ царскими вратами помѣщено изображеніе тайной вечери, завершнное шестиконечнымъ позолоченнымъ крестомъ.

О колокольнѣ. На церковномъ погостѣ, съ сѣверной его стороны, построена деревянная колокольня, завершнная желѣзнымъ крестомъ. Въ ней находятся четыре колокола: самый большой вѣсомъ въ три пуда съ слѣдующею на польскомъ языкѣ надписью: Перелить и повѣшенъ на счетъ прихожанъ и помѣщика деревни Песей Воли при участіи администратора Волосковольскаго прихода священника Михаила Заткалика. Люблинъ 1852 г.; на другомъ колоколѣ, вѣсомъ въ 2 пуда, и третьемъ—вѣсомъ въ одинъ пудъ, значитъ одна и таже надпись: „1633 D. Z. A. L. ad pacem domini Aleksander de Andrejewski“; четвертый колоколъ вѣситъ полпуда.

О приписной церкви въ с. Бруссы. Въ деревнѣ Бруссы существуетъ приписная каменная церковь, построенная во имя чуда Св. Архистратига Михаила бывшимъ владѣльцемъ имѣнія Брусса Карломъ Дубицкимъ, унаслѣдовавшимъ это имѣніе отъ безпотомственно умершаго въ концѣ прошлаго столѣтія Яна Зеронскаго. Время постройки ея съ точностью трудно опредѣлить, такъ какъ о томъ нѣтъ никакихъ письменныхъ документовъ. На основаніи инвентаря церковнаго имущества Волосковольской церкви, составленнаго 16 сентября 1815 г.,—въ которомъ сказано, что выносные крестъ и икопу, а также потиръ, серебряный вызолоченный самовольно забралъ изъ Волосковольской церкви въ Брусскую помѣщикъ Дубицкій и до сихъ поръ ихъ не возвратилъ,—можно судить, что Брусская церковь существовала уже въ 1815 году. Судя по визитѣ 1828 года, въ которой упоминается объ эрекции, составленной для Брусской церкви помѣщикомъ Дубицкимъ 12 мая 1811 года, постройку Брусской церкви можно отнести къ 1811 году.

Брусская церковь построена на возвышенномъ мѣстѣ невдалекѣ отъ помѣщицкой мызы, при дорогѣ, ведущей изъ г. Влодавы въ с. Волосковолю. Она по наружному виду и внутреннему устройству напоминаетъ католическую часовню, въ готическомъ стилѣ, подобную тѣмъ, какія обыкновенно строятся на католическихъ кладбищахъ. Зданіемъ она каменная, въ стѣнахъ довольно прочная, съ полусгнившимъ деревяннымъ потолкомъ и такою же тесовою крышей; притвора нѣтъ; вмѣсто него, при входѣ въ церковь съ южной ея стороны, пристроено крыльцо, поддер-

живаемое двумя каменными столбами съ латинскою надписью на ономъ: „Supremo, omnipotenti, aeterno“. По словамъ визиты 1828 года на этомъ крыльцѣ съ внутренней его стороны, была надпись: „Soli, omnipotenti Deo“, а съ наружной: „De tuis Donis“.

На церкви два деревянныхъ купола: одинъ—по срединѣ крыши, другой—надъ хорами, въ которомъ помѣщалась сигнатурка. Кромѣ этихъ двухъ куполовъ надъ трубой, проведенной отъ каминна въ ризницѣ, устроено нѣчто въ родѣ третьяго купола, завершеннаго, какъ и два первые, желѣзнымъ крестомъ. Средній куполъ въ 1833 году былъ поврежденъ молніей и въ такомъ видѣ остается и до сихъ поръ.

Ни олтара, ни иконостаса въ сей церкви не было и нѣтъ; есть только три большихъ деревянныхъ престола: одинъ главный—у сѣверной стѣны, отдѣляющій церковь отъ ризницы, второй—при восточной стѣнѣ и третій—при западной. Передъ каждымъ престоломъ находится полукруглое досчатое возвышеніе съ тремя ступеньками.

Вся внутренняя обстановка церкви, — какъ то: иконы, хоругви, сосуды, скамьи, разставленныя по срединѣ церкви, облаченія и проч.,—сдѣлана въ чисто католическомъ вкусѣ и до сихъ поръ остается въ такомъ видѣ. За исключеніемъ антиминса, на престола евангелія и десяти богослужебныхъ книгъ, ничего православнаго въ ней нѣтъ.

Длина церкви, за исключеніемъ ризницы 8 сажень, ширина ея 5 сажень. Надъ ризницей устроена небольшая комнатка, называемая „skarbiec“, съ тремя большими окнами въ наружной ея стѣнѣ и съ двумя малыми, выходящими во внутрь церкви. Комнатка эта назначена была исключительно для помѣщиковъ и ихъ семействъ, присутствовавшихъ на богослуженіи во времена уни. Нужно было подниматься въ этотъ „skarbiec“ изъ ризницы по деревянной лѣстницѣ. Въ самой церкви пять большихъ оконъ: по одному съ сѣверо—и юго-западной и одно съ южной стороны надъ хорами; въ ризницѣ одно окно съ желѣзной рѣшеткой. Въ церковь ведутъ трое дверей: однѣ главныя двустворчатыя съ южной стороны, — другія одностворчатыя съ югозападной и третья такія же съ сѣверо-западной стороны; послѣднія двери ведутъ въ ризницу и въ церковь. Подъ церковью есть два подвала съ двумя отдѣльными входами съ наружной стороны, съ церковнаго погоста. Оба эти подвала находились въ пользованіи помѣщиковъ: въ одномъ изъ нихъ былъ винный и пивный складъ, а въ другомъ хранились продовольственные припасы.

На церковномъ погостѣ, съ юго-восточной его стороны, построена одновременно съ церковью небольшая каменная колокольня о двухъ малыхъ колоколахъ, изъ коихъ одинъ разбитъ.

На юго-западной сторонѣ отъ церкви находится маленькая каменная часовенка (капличка) со статуей Іоанна Крестителя; въ южномъ ярусѣ этой часовни сдѣлана маленькая комнатка, служившая во время крѣпостнаго права мѣстомъ заключенія для провинившихся крестьянъ—рабочихъ.

О кладбищахъ. Въ приходѣ имѣются два кладбища: одно въ с. Волосковолѣ, 24 сажени въ длину и 17—въ ширину, отстоящее отъ приходской церкви на полверсты, другое—въ с. Бруссѣ, въ дѣсу, пространствомъ въ 576 кв. сажень, на разстояніи одной версты отъ церкви. Оба кладбища обнесены деревянной оградой.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Владиміръ Шайдицкий.

Открытіе памятника Императору Александру II въ Ченстоховѣ.

Крестьяне 10-ти губерній Привислинскаго края, движимые глубокимъ чувствомъ вѣрнопопданнической благодарности за освобожденіе ихъ отъ панской неволи и дарованіе имъ земельныхъ надѣловъ на правахъ землевладѣльцевъ-собственниковъ, пожелали соорудить своему Благодѣтелю въ Бозѣ почивающему Императору Александру II достойный памятникъ на свои средства, для чего и собрали около 75,000 рублей. Сооруженный памятникъ состоитъ изъ колоссальной бронзовой статуи Царя-Освободителя, отлитой на С.-Петербургскомъ литейномъ заводѣ Морана, по модели академика Опекушина, и утвержденной на гранитномъ пьедесталѣ, исполненномъ по проекту архитектора Гуна. Царь-Освободитель изображенъ стоящимъ въ порфирѣ съ непокрытою, слегка приподнятою головою, съ устремленнымъ вдаль взоромъ и съ опущенною внизъ правою рукою, указывающею на кормилицу-землю. Пьедесталь украшенъ Императорскими и Царскими регаліями и гербами десяти губерній Царства Польскаго; сооруженіе памятника стоило до 72,000 рублей. Памятникъ воздвигнутъ въ гор. Ченстоховѣ на Ясной горѣ, куда собираются ежегодно изъ Привислинскаго края на поклоненіе Ченстоховской иконѣ Божіей Матери сотни тысячъ крестьянъ и гдѣ каждый изъ нихъ можетъ видѣть величественный образъ своего Высочайшаго Благодѣтеля.

Открытіе памятника Царю-Освободителю весьма благовременно приурочено къ дню Его рожденія—17-му апрѣля, и сопровождалось двумя священнодѣйствіями, освященіемъ памятника и совершеніемъ при немъ панихиды за упокой приснопоминаемаго

Императора. По вниманію къ тому, что въ пожертвованіяхъ на сооруженіе открывавшагося памятника участвовало значительное большинство римско-католическаго населенія Привислинскаго края, освященіе воздвигнутаго памятника предоставлено римско-католическому духовенству, а православному—совершеніе панихиды, для чего и прибыли въ Ченстоховъ заблаговременно епископъ Куявско-Калишской епархіи Александръ Бересневичъ 15 апрѣля изъ Калиша и Преосвященный Флавіанъ, Викарій Холмско-Варшавской Епархіи, съ духовенствомъ и хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ изъ Варшавы 16 апрѣля, въ 6 ч. по полудни. Въ назначенный день—17 апрѣля, изъ Ченстоховскаго монастыря въ 1 часъ дня прибыла къ памятнику процессія р.-католическаго духовенства съ своимъ епископомъ во главѣ, и епископъ окропилъ памятникъ освященною водою при пѣніи священныхъ пѣсней. По отшествіи р.-католическаго духовенства прибылъ къ памятнику крестнымъ ходомъ изъ Ченстоховской православной церкви Преосвященный Флавіанъ съ двумя архимандритами, шестью протоіереями и священниками, съ тремя діаконами и хоромъ пѣвчихъ, и въ 2 часа дня отслужилъ панихиду за упокой Благочестивѣйшаго Государа Императора Александра II. При освященіи памятника и панихидѣ присутствовали Г. Варшавскій Генераль-Губернаторъ съ супругою: помощникъ его по командованію войсками, начальникъ штаба Варшавскаго военнаго округа, начальникъ Варшавскаго жандармскаго округа съ супругою, попечитель Варшавскаго учебнаго округа, Варшавскій губернаторъ съ супругою, девять губернаторовъ другихъ губерній Привислинскаго края, прокуроръ Варшавской Судебной Палаты, многіе начальники уѣздовъ, войты гминъ по три изъ каждаго уѣзда и множество другихъ лицъ изъ всѣхъ сословій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ.

Большая хромо-фото-литографическая точная копія съ знаменитой картины художника А. А. Иванова

ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ

Съ подлинника, хранящагося въ Московскомъ Публич-

номъ Румянцевскомъ Музеѣ.—Огромныхъ размѣровъ хромо-фото-литографія художественно исполненная—Пояснительный историко-біографическій текстъ составленъ И. О. Томазовымъ.

Картина „Явленіе Христа Народу“, писанная художникомъ А. А. Ивановымъ въ теченіе тридцати лѣтъ,—сдѣлала цѣлую эпоху въ русской живописи; знаменитые художники какъ то: Крамской, А. Праховъ и многіе друг. нашли, что означенная картина болѣе проникнута истинно-религіознымъ духомъ и вѣрнѣе, въ историческомъ отношеніи, біблейскому характеру событій, чѣмъ всѣ доселѣ извѣстныя заграничныя картины и иллюстраціи подобнаго рода, не исключая и Доре.

Н. В. Гоголь въ своемъ знаменитомъ этюдѣ о картинѣ: „Явленіе Христа Народу“ раскрылъ намъ величіе истинно-русскаго и православнаго творчества Иванова и указалъ на него, какъ на главу русской живописи, это же подтверждаетъ и А. Праховъ въ статьѣ своей: Матеріалы для біографіи А. А. Иванова (жур. „Пчела“ за 1875 г. № 23 и № 24). Равно какъ о помянутой картинѣ были вполне сочувственные отзывы въ журналахъ „Воскресный досугъ“ 1867 г. № 231 и „Иллюстрированная недѣля“ 1874 г. Нельзя такъ же не указать и на отзывъ Архимандрита Феодора о картинѣ Иванова Спб. 1859 г.

Цѣна хромо-фото-литографической картинѣ: Лакированная на бумагѣ—1 руб. 50 коп., на холстѣ 2 руб. 50 коп. За пересылку и упаковку на скалкѣ 50 коп. Подписавшимся на 10 и болѣе экз.—20% уступки.

Адресъ: Мясницкая, магазинъ церковныхъ утварей Сытovy сыновья, соб. домъ въ Москвѣ.

Совѣтъ Замостскаго Свято-Никольскаго православнаго Братства имѣетъ честь покорнѣйше просить Членовъ Братства пожаловать 9 мая сего года въ 1 часъ по полудни на Общее Собраніе, имѣющее быть въ гор. Замостьѣ, въ зданіи Замостской гимназіи.

Предсѣдатель Совѣта Братства Ив. Сикевичъ.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Высочайшія награды священнослужителямъ Холмско-Варшавской епархіи.— Награды Святейшаго Синода священнослужителямъ Холмско-Варшавской епархіи.—Указъ изъ Святейшаго Правительствующаго Синода, по вопросу о томъ: можетъ ли быть совершенъ бракъ лица, состоящаго въ запасѣ арміи, на основаніи выдаваемаго военнымъ начальствомъ увольнительнаго свидѣтельства.— Распоряженіе Х.-В. Епархіальнаго Начальства о производствѣ въ церквахъ сбора пожертвованій въ пользу слѣпыхъ въ теченіи недѣли о слѣпомъ.— Назначеніе на священнослужительскія вакансіи.— Новое присоединеніе чеховъ къ православной церкви въ г. Лодзи.— Отдѣлъ II. Римскій катихизисъ и православное исповѣданіе Петра Могилы (продолженіе).— Историческій очеркъ Милевской св. Параскевьевской церкви, въ связи съ обзоромъ окатоличенія и ополченія Завапрняской Руси (до рѣки Быстрицы) (продолженіе).— Сравнительныя достоинства вокальной и инструментальной музыки въ примѣненіи къ христіанскому богослуженію (окончаніе).— Историко-статистическое описаніе Волоско-вольскаго прихода Влодавскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.— Открытіе памятника Императору Александру II въ Ченстоховѣ.— Объявленіе.— Отъ Совѣта Замостскаго Братства.

Редакторъ Протоіерей І. Корженевскій.

Печатать дозволяется. — Варшава, 30 апрѣля 1889 года. — Цензоръ, ключарь Протоіерей Н. Чеховичъ.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, Королевская № 13.